

АЛЕКСЕЙ
АТЕЕВ

НАША
МИСТИКА

ПРИГОРШНЯ
ТЬМЫ

Алексей Григорьевич Атеев

Пригоршня тьмы

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281062
Пригоршня тьмы: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-13269-4*

Аннотация

Заштатный провинциальный городок взбудоражен: исчезла десятилетняя дочь удачливого бизнесмена. Но странно! В последний раз ее видели в компании немого пациента, сбежавшего из психлечебницы.

Частный детектив, начавший расследование, не подозревает, что впереди его ждет еще немало загадок.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
1	4
2	10
3	16
4	30
5	32
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Григорьевич Атеев

Пригоршня тьмы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Непонятно по какой причине шоссе в то серое утро оказалось пустынным, и, когда первый свидетель подъехал к месту аварии, машина уже догорала.

Была середина апреля. Всю ночь моросил мелкий холодный дождь. Тяжелые низкие тучи повисли прямо над верхушками придорожных сосен. «Жигули», на полном ходу слетевшие с шоссе и несколько раз перевернувшиеся, лежали в кювете вверх колесами. Удушливый чад поднимался в ненастное небо. Но огня почти не было видно. Только колеса еще догорали. Небольшие язычки пламени лениво обглаживали их.

Водитель молоковоза (он-то и оказался первым свидетелем), пожилой коренастый мужчина, испуганно матюгнувшись, притормозил на косогоре, выскочил из кабины и побежал к месту аварии. Приблизившись к «жигуленку», он остановился, созерцая печальную картину, потом резко втянул носом воздух, и лицо его посерело. К запаху гари примешивался другой, учуяв который, шофер отшатнулся, но, пересилив себя, нагнулся и заглянул сквозь разбитое стекло в изуродованный салон «Жигулей».

То, что он увидел, заставило его желудок спазматически сжаться. Внутри сгоревшей машины находилось нечто страшное, отдаленно напоминавшее человеческий торс. Прошелестел легкий ветерок, и запах горелого мяса стал совсем нестерпимым. Водитель отбежал к ближайшему дереву и изверг свой завтрак на только что зазеленевшую траву. Отдышавшись, он снова вернулся к сгоревшей машине, огляделся по сторонам и внезапно заметил метрах в восьми от «жигуленка» какой-то непонятный предмет. Приглядевшись, он понял, что это человеческая фигура, уткнувшаяся головой в кучу песка. Лица не было видно. Некоторое время водитель стоял в нерешительности, потом подошел к лежащему, нагнулся и сбросил с его лица песок. Перед ним оказался мужчина лет тридцати, бледный, но как будто совершенно невредимый. Во всяком случае, видимых повреждений не было заметно.

Шофер расстегнул на незнакомце рубашку и, преодолевая брезгливость, приложил ухо к груди. Сердце, хотя и слабо, но билось. Он легонько потряс лежащего за плечо, но тот не подавал признаков жизни. Шофер в растерянности вскочил, не зная, что делать. С одной стороны, естественно было бы оказать пострадавшему помощь – погрузить его в свою машину и везти в первую попавшуюся больницу. С другой – он опасался последствий. А что, если незнакомец по дороге умрет? Молоковоз не приспособлен под перевозку раненых. Да и можно ли вообще трогать пострадавшего? Пока он думал, что предпринять, на шоссе показалась еще одна машина. Размахивая руками, водитель молоковоза побежал к дороге. Но черная «Волга» промчалась мимо, даже не притормозив.

– Вот гад! – выругался шофер. Он растерянно стоял на асфальте и смотрел на сгоревшую машину. Скрипнули тормоза. Шофер обернулся и увидел знакомое лицо. Это был водитель с его автобазы.

– Что тут, Михалыч? – испуганно спросил тот.

– Ты, Юрка, езжай до первого поста ГАИ, – не отвечая, приказал Михалыч, – а я тут побуду.

Юрка молча кивнул и хлопнул дверцей. Михалыч вернулся к сгоревшей машине. Минут через двадцать он услышал звук сирены.

Милиция и «Скорая» подъехали почти одновременно. По шоссе и вокруг сгоревшей машины забегали милиционеры с рулетками. Пострадавшего погрузили на носилки и понесли. Шофер молоковоза остался давать показания.

– Странная история, – рассказывал вечером жене молодой лейтенант ГАИ, задумчиво ковыряя в сковородке жареную картошку с колбасой.

– Ты ешь. – Жене явно не нравилось равнодушие, проявляемое к ее стряпне.

– Нет, ты только послушай. – Лейтенант подцепил на вилку картошку и начал медленно ее жевать. При этом изо рта у него вылетали нечленораздельные звуки. – История, я говорю, случилась странная... На двенадцатом километре авария.

– Ну и что, – равнодушно протянула женщина, – у тебя каждый день аварии.

– Нет, ты послушай. Шоссе было мокрое, и «жигуль» занесло на повороте. Он рухнул в кювет брюхом вверх и загорелся. В машине ехали двое. Водителя заклинило рулем, а пассажира выбросило через переднее окно.

– Сгорел водитель?

– Сгорел, – досадно кивнул лейтенант, – но не в этом дело... Машина краденая, угнали ее неделю назад. Да не у нас, а под Москвой. А за рулем была баба.

– Что еще за «баба»?! – недовольно пробурчала жена. – Ты и меня называешь бабой, когда с дружками общаешься? Неужели нельзя нормально сказать: женщина. Как был ты «деревня», Вася, так и остался. А еще офицер!

– Так вот, – совершенно не слушая ее, продолжал лейтенант, – баба сгорела.

Супруга обиженно поджала губы.

– Но самое главное, – лейтенант посмотрел на жену, – тот парень, которого выбросило из машины. В нем-то и вся загвоздка.

– А что он? – с деланным любопытством спросила женщина, решив не ссориться с ним по пустякам.

– Ты понимаешь, – лейтенант потряс вилкой перед ее лицом, отчего она испуганно отпрянула, – ни единой царапины на нем нет. Ни единой! Только на голове небольшая шишка. Но при этом он без сознания.

Она пожала плечами, разделяя его недоумение.

– Такое создается впечатление, – запальчиво продолжал гаишник, – что его вроде как вынесли из машины, а потом уже ее подожгли.

– А может, так оно и было?

– Да нет, – сник лейтенант, – на асфальте ясно виден тормозной путь машины, а потом следы от ее кувыркания. А на одежде неизвестного – осколки лобового стекла. Но вот что странно – ни документов, ни каких-либо бумаг и вещей или хотя бы денег в карманах пострадавшего не обнаружено.

– А парень-то молодой?

– Да лет тридцати.

Некоторое время за столом сохранялось молчание.

– Ну а сам ты что думаешь? – наконец спросила жена.

– Не знаю, – неожиданно спокойно промолвил лейтенант и принялся с аппетитом доедать остывшую картошку. Ему хотелось выговориться, он это и сделал. – Разберутся, – неопределенно произнес он.

Личность неизвестного занимала не только молодого гаишника. Сотрудники УВД, куда поступили сведения и материалы о катастрофе, тоже были поставлены в тупик. Этот человек

до сих пор не пришел в себя, следовательно, не мог быть допрошен. Он пребывал в реанимации областной больницы. Но самое странное впечатление производила его одежда. Она была совершенно новой, как будто ее надели за несколько минут до происшествия. Стандартный костюм, простая хэбэшная рубашка, шерстяная кофта и сапоги были как будто только что куплены в магазине. Из пиджака, правда, был выдран клочок ткани – видимо, это случилось в тот момент, когда пострадавшего выбросило из машины. Карманы его были совершенно пусты. Ни мелочи, ни документов или хотя бы каких-нибудь случайных бумажек в них не было. Не было даже ни крошки табака или другого какого-нибудь мусора. Угнанная машина выгорела полностью. За рулем была женщина, как установила судебная экспертиза, лет сорока – сорока пяти. Труп ее был совершенно обуглен и не подлежал идентификации.

Через день пострадавший пришел в себя. Но попытки добиться от него каких-либо подробностей ни к чему не привели. Первое время врачи думали, что это результат перенесенного шока. Однако шли дни, а этот странный человек оставался в том же состоянии, в каком был и в первый день. На все попытки заговорить с ним он сонно прищуривал глаза, вяло моргал ресницами и изредка открывал рот, словно пытаясь что-то произнести. Но вместо фразы или хотя бы слова у него вырывалось лишь слабое мычание.

Прошла неделя. Неизвестный как будто вполне оправился от перенесенного удара. Но никто не знал, что же с ним делать. Ясно было, что в обычной больнице ему не место. Пригласили психиатра. Тот провел детальное обследование, проверил рефлексы, которые оказались заторможены, долго исследовал его череп, пытался заговорить и в конце концов авторитетно заявил, что налицо типичная травматическая амнезия – то есть потеря памяти. На вопрос: что же с ним делать? – сказал, что лучше всего отправить его к родственникам, но, поскольку установить таких не представляется возможным, нужно определить его в психиатрическую больницу или в интернат для умственно отсталых.

К слову сказать, милиция сделала все возможное, чтобы отыскать хоть какую-нибудь ниточку в этом запутанном деле. Несколько раз в местных газетах публиковали снимок неизвестного с просьбой откликнуться тех, кто хоть что-то знает о нем, но ничего конкретного никто не сообщил. Взяли и отпечатки пальцев, однако в дактилоскопической картотеке личность эта не фигурировала.

Следователь, который вел дело, несколько раз приходил в больницу, подолгу сидел у кровати неизвестного, пытаясь вытянуть из него хоть какой-то звук. Иногда ему казалось, что в тусклых глазах неизвестного мелькает искорка мысли, но, увы, только казалось. Интересно, что в быту этот человек вел себя вполне нормально, ел ложкой, умел пользоваться туалетом, одевался без посторонней помощи. В остальном же он мало походил на разумную личность. Часами лежал, тупо уставившись в потолок, или ходил по коридору как заведенный, пугая своим видом больных.

В конце концов его отправили в психиатричку.

В майский день 1983 года медицинский «уазик» остановился перед дверями приемного покоя психиатрической больницы. Дверца распахнулась, и, поддерживаемый под локоть санитаром, из нее вышел неизвестный. Возле приемного покоя буйно цвела сирень. Ее запах перебивал все прочие ароматы: тяжелый дух нагретого солнцем асфальта, бензиновый чад, вонь соседней помойки.

Санитар и его подопечный в ожидании дежурного врача присели на скамейку перед входом в приемный покой.

Санитар глубоко втянул в себя воздух и улыбнулся.

– Как в раю, – громко сказал он, – пахнет-то, а... – Он толкнул психа в бок. – Чуешь, дурень?

На лице неизвестного появилось подобие слабой улыбки. Он закатил глаза и кивнул головой.

– Смотри-ка, понимает, – удивился санитар, – а говорили, совсем ничего не соображает. – Он внимательно посмотрел на больного. – Что, нравится сирень-то?..

Но лицо того снова приняло обычное тупое выражение. Санитар недоуменно пожал плечами, но как раз в это время пришел врач, и санитар оставил свои догадки при себе.

Врач некоторое время пытался, как и его предшественники, разговорить новичка, но скоро оставил свои попытки и углубился в историю болезни. Потом несколько раз ударил его молоточком по колену, поводил пальцем перед глазами, задумчиво покачал головой, написал что-то в истории болезни и велел препроводить больного в отделение. Перед этим пожилая нянечка подстригла несчастного, отчего на его голове показалась шишка, ранее скрытая волосами. Она же заставила его снять всю одежду и выдала взамен застиранную пижаму, бязевую рубашку и кальсоны. Больной покорно оделся и стоял в предбаннике, тупо таращась в старое, покрытое сетью черной паутины зеркало.

– Ну что, Проша, пойдем, – сказала нянечка и взяла его за руку.

Почему она повеличала его Прошей, так и осталось неизвестно. Но с тех пор никто в больнице иначе его не называл. Проша да Проша – и все тут.

Проша был тихим, безобидным больным. Он не буйствовал, не вскакивал по ночам с диким криком, как некоторые его однопалатники. Он не пытался в столовой вырвать у соседа тарелку с кашей. Даже в страшные летние грозы, когда молнии сверкали перед самыми окнами и от раскатов грома тряслось ветхое здание отделения – в такие ночи никто в палате не спал, и большинство больных, придя в страшное возбуждение, толпились у окон, – Проша спокойно лежал на своей кровати.

Это был своего рода образцовый больной. Он понимал почти все, что ему говорили. Охотно исполнял мелкие поручения санитаров и сестер. Главным его недостатком было отсутствие речи. На остальных больных Проша, казалось, не обращал внимания. В психиатрических заведениях народ в основном необщительный, настолько самоуглубленный, что практически не обращает внимания на окружающих. Однако какое-никакое общение все же происходит. С Прошей же не общался никто. Более того, санитары замечали, что его явно побаиваются. Какое-то странное поле окружало этого человека. В отделении обратили внимание, что те, кто спал рядом с ним, становились раздражительными, а иной раз начинали буйствовать. В чем причина этого странного явления, оставалось загадкой.

Заведующего отделением очень занимала личность Проши. Недавний выпускник медицинского института, он был полон различных идей и теорий. Внимательно прочитав историю болезни Проши, он пришел к выводу, что первоначальный диагноз, признававший амнезию, неверен. По мнению заведующего, налицо была врожденная патология, а отнюдь не результат травмы. Кстати, шишка на голове Проши так и не прошла. Она заметно выступала из черепа, особенно после стрижки, напоминая маленький рог. С целью разобраться, что же все-таки представляет собой его больной, заведующий решил воздействовать на Прошу гипнозом. Еще в институте он овладел азами гипноза и частенько практиковался на знакомых. Но все попытки загипнотизировать Прошу успеха не принесли. Молодой врач решил, что его способностей явно не хватает, и призвал на помощь профессионала. Тот тоже долго не мог справиться с неподатливым пациентом, но в конце концов все же загипнотизировал больного. Но и в состоянии гипноза тот не стал разговорчивей. Он выполнял простые команды, стоял на одной ноге, ложился на пол, но не произносил ни слова. Только один раз на вопрос: будет ли он говорить, выдал из себя нечто нечленораздельное. Эти звуки при некоторой фантазии можно было принять за слово «нет».

Пробившись с Прошей битый час, профессионал отпустил его, так ничего и не добившись.

– По-моему, – сообщил он заведующему отделением, – сознание этого парня заблокировано. Но заблокировано искусственным путем. Доказательств нет, но опыт показывает, что именно так оно и есть. Подобный случай был у меня несколько лет назад...

– Я не совсем понял, – удивился заведующий.

– Ну, скажем, какой-то специалист вроде меня поставил на разум Проши, грубо говоря, замок.

– Вы это серьезно?

– Вполне. Только дело в том, что поставивший этот замок должен обладать очень большой гипнотической силой. Я, во всяком случае, не могу этот замок снять. Требуется знать ключевое слово или действие. Тогда сознание можно разблокировать, хотя я убежден, что все не так просто.

– А вы уверены, что его сознание заблокировано?

– Еще раз повторяю, на сто процентов не уверен, однако похоже на то...

– Но кому это нужно?

– Странный вопрос, – гипнотизер усмехнулся.

– И все же?..

– Когда я общался с этим парнем, – гипнотизер задумчиво потер лицо рукой, собираясь с мыслями, – мне показалось, что его окружает мощное психическое поле, причем очень неясно окрашенное. Не могу понять, то ли оно несет заряд разрушения, то ли созидания. Сейчас оно находится в состоянии покоя, но так будет не всегда. Рано или поздно эта сила окажется выпущенной на свободу.

– Мистика какая-то, – принужденно засмеялся молодой врач.

– Всякое в жизни бывает, – гипнотизер тоже усмехнулся в ответ, – на вашем месте я бы нашел какого-нибудь специалиста по черной магии и проконсультировался бы с ним по поводу этого больного.

– Неужели в наш век существуют специалисты по черной магии?

Гипнотизер только пожал плечами.

Как бы то ни было, но Проша продолжал оставаться загадкой.

Некоторое время он был по-прежнему нелюдимым, а потом вдруг сошелся с Графом Шереметевым.

Граф Шереметев был достопримечательностью отделения. Этот высокий осанистый старик, с солидным животом, с пышными седыми усами и бакенбардами, проживал в психушке с незапамятных времен. Некоторые утверждали, что попал он сюда вскоре после войны.

Граф был одним из немногих больных, которому разрешалось свободно перемещаться по территории лечебницы. День-деньской он важно разгуливал то здесь, то там, обозревая свои владения. Очень часто под мышкой или в руках у него была картонная канцелярская папка с надписью «Дело». В нее он складывал найденные на территории бумажки: фантики от конфет, этикетки от консервных банок, обрывки газет, старые рецепты и прочую дребедень. К вечеру папка разбухала. Придя в отделение, он перебирал свою добычу, иногда по полчаса изучая какую-нибудь бумажонку. Отсортировав этот мусор, он на другое утро шел в приемную главврача и требовал от него разобраться с документами и наложить визу. Впрочем, он был совершенно безобиден. Лишь раз или два в год он приходил в странное волнение и собирался ехать судиться с каким-то немцем, отобравшим у него имение. Тогда его запирали, но длилось это неделю или чуть больше.

Вот с этим-то человеком и стали наблюдать Прошу, которому тоже разрешалось свободно гулять по территории. Они мирно сидели на скамейке, и Граф Шереметев что-то оживленно рассказывал своему «собеседнику», а тот, казалось, внимательно слушал.

Эта странная дружба привлекла внимание заведующего отделением. Он попросил санитаря выяснить, что же Граф Шереметев рассказывает Проше.

– Белиберду всякую несет, – очень скоро доложил санитар, – про поместье, про каких-то бояр, что кошек ловят и едят... Одним словом – чушь.

– А Проша с ним не разговаривает?

– Да он же не умеет, – удивился санитар.

– А как же они общаются?

– Им не нужны слова. Один сам говорит непрерывно, другой только кивает.

Завотделением пожал плечами. Некоторое время он продолжал наблюдать за Прошей, но очень скоро это ему надоело, появились другие заботы, да и вообще всякие идеи отошли куда-то в сторону, а планы перевернуть психиатрию и вовсе рассеялись, как облачко, – может, и в связи с женитьбой. Интересно, был ли женат старик Фрейд в тот момент, когда разрабатывал теорию психоанализа?

Как бы там ни было, но пылкий психиатр так и остался у порога открытия. А жаль. Однако, женившись, нужно думать о хлебе насущном, искать дополнительные источники заработка, тут уж не до открытий.

Странное все-таки это место – сумасшедший дом. Нет страньше его, как говорил один полоумный псих. Как заладит с утра: «Нет страньше, нет страньше» – так до вечера и повторяет. А может, это он каждую минуту удивлялся – как дошел до жизни такой? Однако он был прав!

Так вот. Жизнь в этом странном заведении как бы застыла.

«Ага, – подумает читатель, – еще один будет рассказывать, что жизнь в дурдоме – не сахар!»

А вот нет. Автор не ставит перед собой такой цели. Он просто пытается объяснить, почему один из его героев выбрал для себя столь экзотическое место обитания. Именно выбрал!

А выбрал он это место потому, что время в нем стоит. Во всяком случае, именно так происходило с Прошей. Время как бы образовало вокруг него защитную капсулу. Уже все, не только врачи, стали замечать. Санитар дядя Миша как-то сказал тете Паше, нянечке:

– Вот ты смотри, Павлина, Прошка-то наш уж который год в отделении, а все как огурчик. Морда – как попка младенца – розовая и гладкая, а на башке ни одного седого волоса.

– Здоровый как бык, – подтвердила тетя Паша и усмехнулась. – Надька-то, парикмахерша, не зря возле него крутится.

– Надька – сука, – спокойно парировал дядя Миша. – К тому же Надька сама чокнутая. Помнишь, что она вытворяла в прошлом году в День медработника?

– Да уж! – поджала губы тетя Паша.

Но не будем отвлекаться на Надьку. Вернемся к нашему повествованию.

Жизнь Проши в сумасшедшем доме не отличалась разнообразием. Из дня в день – одно и то же. Завтрак, прогулка по территории в компании с Графом Шереметевым, обед, снова прогулка с Графом... Шереметев собирал свои бумажки, Проша, случалось, ему помогал. Однако Шереметев не всегда был доволен качеством Прошиных находок. Обычно он придирчиво изучал их и очень часто отбрасывал прочь. Правда, он мог через пять минут поднять эту бумажку и положить ее в свою папку, однако что в этом странного? Собственные открытия всегда значительнее, чем находки товарища.

Даже времена года не влияли на столь незамысловатое времяпрепровождение. В сильный дождь или мороз прогулок, конечно, не было. Но и тогда неразлучная пара находила себе занятие, скитаясь по длинным коридорам отделения. Граф Шереметев, как всегда, вел горячий и сбивчивый монолог, а Проша изредка кивал головой, подтверждая важность высказываний. Так за прогулками и сбором всякого мусора незаметно прошло десять лет.

2

– Все же надо уезжать, – неожиданно произнес Павел.

– Опять начал, – недовольно поморщилась Марта. – Куда уезжать?

– В Америку!

– Ждут там нас, как же!

– Ничего, с долларами не пропадем.

– Много их у тебя, этих долларов?

– Много – не много, а на первое время хватит. Осмотримся, пооботремся... Да и руки на что? Поначалу посуду буду мыть...

– Посуду скорее всего буду мыть я, – Марта в сердцах швырнула на пол газету. – Ты же, по своему обыкновению, ограничишься диваном, на котором будешь лежать и строить прожекты.

Павел промолчал и снова уставился в телевизор. На экране происходило очередное политическое ток-шоу. На этот раз благообразный пожилой человек с повадками дятла (он непрерывно тряс головой) доказывал двум оппонентам, что капитализм в России непременно должен победить. Те вовсе не возражали. Они лениво смотрели на дятлообразного и задумчиво кивали головами.

Некоторое время Павел и Марта прислушивались к этой «дискуссии».

– Зачем тебе Америка? – неожиданно продолжила тему Марта. – Вон говорят же, что капитализм и так придет на нашу землю. Давай действуй, зарабатывай, шевелись, крутись – как там, черт возьми, у вас это называется?! Дело делай!

– А я разве не делаю?!

– Конечно! – Марта хмыкнула. – Ты у нас крутой. Деловее не бывает. Продал квартиру покойной тещи – и это у тебя называется делом. Да притом продешевил.

– Не продешевил, – возразил Павел.

Марта презрительно отвернулась.

– Я нашел клиента, – не унимался Павел, – провернул все дела с оформлением и документами...

– Молодец!

– Именно! – Павел подскочил к мебельной стенке, достал оттуда пачку зеленых бумажек и помахал перед лицом Марты.

– Что ты все трясешь этими долларами, спрячь их подальше, а то беду накличешь.

Павел, казалось, остыл. Он засунул деньги в карман брюк и снова тупо уставился в телевизор.

В комнату вошла девочка лет десяти и укоризненно посмотрела на родителей.

– Опять ругаетесь?

– Нет, Машенька, – успокоила ее Марта, – это мы так, обсуждаем политическую ситуацию.

– Ругаетесь, – возразила девочка, – а по другому каналу, может, мультики? – Она усе-лась на диван рядом с родителями. – Переключи, папа, телевизор.

Но и по другому каналу шла какая-то политическая трескотня.

– И тут ругаются, – констатировала Маша, – нигде покоя нет. – И она вышла из комнаты.

– Вот так, – подвела итог Марта, – дочь-то умнее нас.

В последнее время разговоры о переезде в Америку в семье Глиномесовых возникали довольно часто. Проживала эта семья в небольшой двухкомнатной квартирке недалеко

от Центра. Павел Глиномесов, как и многие сегодня, слыл предпринимателем, но занятие это с некоторых пор стало его угнетать.

Еще в ранней молодости он сменил несколько мест работы, порой очень экзотичных. Некоторое время учился в медицинском институте, где и познакомился со своей будущей женой. Медицинская стезя не удалась, но Павла это особенно не огорчало. Его кипучая натура находила множество разнообразных занятий, которые не давали скучать.

Чем только он не пытался заниматься! Поначалу промышлял мелкой спекуляцией, проще говоря, фарцевал джинсами, иностранными дисками и прочей мелочовкой. Но все это было в его представлении ерундой. Нельзя сказать, что Павел безумно любил деньги. Гораздо больше он любил свободную жизнь, не терпел всякого рода начальников и их тупоумные приказы, которые нужно было выполнять. Решить вопрос с независимостью могли только деньги.

Как-то раз, на почве увлечения рок-музыкой, он познакомился с одним парнем, который на лето уезжал работать на Север, в артель золотодобытчиков. За два-три месяца, по его словам, он зарабатывал столько, что потом мог безбедно жить весь оставшийся год. Павел побывал у него дома и был потрясен импортной аппаратурой, о которой сам мог только мечтать.

«Это именно то, что мне нужно», – решил Павел.

Парень без особого восторга встретил сообщение Павла, что он тоже хочет на «золотишко». Он довольно равнодушно выслушал сбивчивые речи и сказал, что с улицы там людей не берут. Впрочем, он может рекомендовать.

Но для этого нужно иметь подходящую профессию.

– То есть? – не понял Павел. Он представлял себе золотоискателя, склонившегося над таежным ручьем и вооруженного промывочным лотком, над чем от души посмеялся его новый знакомый.

– Какой там лоток, – хохотал он, – там не лотки, а мощные тракторы, бульдозеры... Давай поступай учиться на бульдозериста, как раз к лету выучишься, а там махнем в Магадан.

Перспектива учебы не очень увлекала, но вероятность больших заработков кружила голову, и Павел скрепя сердце отправился на курсы.

К началу сезона он специальность освоил. Получил соответствующий документ и вместе с новым товарищем отправился на прииск.

Его охотно приняли в артель, посулили заработки, при мысли о которых губы сами растягивались в глуповатую улыбку счастья. Затем начались будни. Работа оказалась невероятно тяжелой и нудной, а поскольку опыта у него совсем не было, то и выработка оставляла желать лучшего. Однако благодаря природной смекалке к работе скоро он все же приловчился. Тяжелее было с другим. Холод, комары и гнус, постоянная грязь и усталость доводили до полного отупения. Сколько раз уже готов был плюнуть на эти деньги и смотаться из лагеря, но понимал, что в разгар сезона его никто не отпустит, а если попытаться сбежать, могут быть крупные неприятности.

Кое-как дотерпел новоявленный золотоискатель до конца сезона, получил обещанные деньги и вернулся домой в ореоле романтика-первопроходца.

Отмылся, отъелся. Жизнь на прииске осталась где-то далеко, и он даже сам себе верил, когда рассказывал знакомым о самородках величиной с кулак и о встречах с медведями. Верил он и в то, что на будущий год снова махнет на прииск.

Именно в этот счастливый момент «фартовый» парень женился. Избранницей его оказалась Марта Ставронская, с которой они пару лет назад учились в одной группе в медицинском институте. Павел и раньше ей нравился. Высокий, светловолосый, он легко привлекал

внимание девушек, а тут еще о нем рассказывали так много захватывающе интересного, что Марта практически сама напросилась на встречу.

Павел в этот момент денег не считал. Он водил ее в лучшие рестораны и кафе, дарил подарки.

Через два месяца состоялась свадьба. Отец Марты был крупным торговым работником. Избранник дочери ему понравился, понравилось и то, что он умеет зарабатывать. И хотя ко времени свадьбы жених изрядно поиздержался, тесть, не раздумывая, купил молодым хоть и небольшую, но удобную квартиру почти в Центре.

Марта продолжала учиться, а Павел сидел дома и слушал свой любимый рок. Денег почти не осталось. Но хуже всего было то, что приближался сезон и нужно было снова ехать на проклятый Север, чтобы снова заработать и поддержать свою слегка потускневшую славу золотоискателя. Павел с ужасом вспоминал тамошний быт, к тому же он опасался оставлять молодую жену. Вокруг нее и раньше вилоь много поклонников, а теперь, по мнению Павла, в его отсутствие их количество удвоится.

Думал Глиномесов, думал и надумал устроиться на работу в родном городе, благо нужда в бульдозеристах была постоянной.

Марта его решение встретила довольно прохладно. Одно дело быть женой золотоискателя, другое – простого работяги. Последовал крупный разговор. Павел, не жалея красок, расписывал ужасы Колымы, зловещие нравы, царившие в артели, где старатели – вчерашние заключенные, все как на подбор рецидивисты, проигрывающие друг друга в карты.

Чтобы окончательно ее запугать, он сообщил, что среди них встречаются сифилитики, и, когда все спят вповалку на нарах, немудрено подцепить какую-нибудь заразу.

Марта ужасалась, но оставалась непреклонной. Муж – простой рабочий ее не устраивал. Наконец был найден компромисс. Постановили, что Павлу нужно учиться. Решение было встречено с одобрением как родителями жены, так и его собственными. Обе семьи в один голос заявили, что будут помогать молодым.

Павел без труда поступил на вечернее отделение политехнического и, кроме того, пошел работать в одно из строительных управлений. Вчерашний «одинокий волк» превратился в добропорядочного гражданина.

Долго ли, коротко, институт был закончен, и Павел стал инженером. Марта к тому времени работала врачом-гинекологом в одной из городских больниц. Вскоре, не без помощи тестя, купили подержанные «Жигули». Жизнь была вполне прекрасна. И тут, будь она неладна, грянула перестройка. Сначала все было как обычно. Потом речи стали меняться, а взгляды леветь. Сумятица проникла в умы населения. Заговорили о частном предпринимательстве, сперва робко, затем во весь голос. Стали появляться кооперативы.

Некоторое время Павел приглядывался к происходящему, потом решил открыть собственное дело. Вспомнив развлечения молодости, остановился на студии звукозаписи.

Слухи о его задумках дошли до тестя. Как-то он заявился в квартиру Глиномесовых, достал из портфеля бутылку армянского коньяка и тяжело упал на стул.

– Слышал я, Паша, – начал он без обиняков, – что хочешь ты у нас предпринимателем стать?

Павел утвердительно кивнул, с нетерпением поглядывая на коньяк.

– Неплохое занятие, – осторожно сказал тесть. – И чем же ты намерен заняться?

Павел сообщил.

Тесть недоуменно пожал плечами. Потом выпил рюмку и, видимо, решился.

– Знаешь что, – сказал он твердо, – брось ты это дело к такой-то матери.

– Почему? – спросил Павел.

– А потому, – ответил тесть. – Ты ведь, как мне известно, представляешь, что такое Колыма?

– При чем тут это?

– А при том! – заорал тесть. – Я не хочу, чтобы тебя туда отправили в столыпинском вагоне. Или ты не понимаешь, для чего все это придумано? Так уже было. Дураки всегда найдутся. Вспомни нэп. Тоже обещали всяческие блага красным купцам. А чем все это кончилось? Ты, может, и не помнишь, а я помню. Мальчишкой был, а ни в жисть не забуду, как отца забирали.

– Успокойтесь, – примирительно произнес Павел.

– Успокоюсь, когда ты мне слово дашь, что не будешь разной ерундой заниматься. Я не хочу, чтобы моя дочь стала вдовой, а внучка сиротой. Тебе мало денег? Я готов доплачивать, только ничего не предпринимай.

Но Павел обиделся и не внял предостережениям.

Созданная студия звукозаписи хоть и не процветала, но кое-какой доход приносила, а Павел уже подыскивал что-нибудь новое, где конкурентов было поменьше. Марта смотрела на его занятия скептически, но не могла не признать, что денег в доме стало больше. Лишь тесть, старый зубр, продолжал каркать, что все еще вернется. Павел открыто смеялся над его словами. Следующим этапом новоявленного бизнесмена стал видеобизнес. Видеомагнитофоны только начинали появляться, но Павел чувствовал, что за ними большое будущее. Он наладил связи с московским видеобизнесом. Стал привозить аппаратуру, кассеты с новыми записями.

Внезапно умер тесть. Огромная квартира в Центре осталась почти пустой. В ней жила лишь престарелая теща да две кошки.

– А не поменяться ли нам с мамой? – завела как-то разговор Марта. Но дальновидный Павел сказал, что пока не надо, а вот приватизировать тещину квартиру необходимо, и как можно быстрее. К этому времени деловые операции разрослись вширь и вглубь. Видео было давно заброшено. Сейчас Павел покупал и продавал различные импортные и отечественные товары, оказывал посреднические услуги, работал с недвижимостью. А после смерти тещи ее квартира была продана за валюту дельцам с юга.

– Ни к чему нам такая квартира, – пресек Павел возражения жены, – слишком заметна, да и вообще я не собираюсь оставаться в этой идиотской стране.

– Ты о чем? – не поняла Марта.

– Уезжать надо отсюда! – заявил Павел. Вот тогда-то в первый раз и прозвучала эта мысль об Америке, повергнувшая Марту в ужас.

– Как же Маша? – спросила она.

– Как раз о Машке я больше всего и думаю, – пытался внушить ей Павел. – Ты посмотри, что творится. И вспомни пророчества твоего покойного батюшки. А если большевики снова возьмут верх? Что со всеми нами будет? Кто у власти? Да вся страна – номенклатура! Нет! Нужно уезжать! Я, кстати, начал потихоньку готовиться. Документы оформлять... Пятое-десятое...

– Я не поеду, – твердо заявила Марта.

Павел посмотрел на нее и усмехнулся:

– Тогда я отправлюсь один.

– Ребенок болен, – не сдавалась Марта, – я все-таки врач и знаю, что подобный переезд может вызвать кризис, который приведет к необратимым последствиям. У нее психическая травма!

– Значит, нужно лечить, – Павел стоял на своем, – и лечить здесь, в Америке медицина дорогая. Но одно скажу: ехать я решил окончательно и хочу ехать вместе с вами. Не понимаю, чего ты боишься?

– Ребенок... – снова завела Марта.

– Лечи! – крикнул Павел. – И прекратим этот разговор.

Маше, их дочери, было десять. Это была живая девочка, светловолосая, как отец, и с карими материнскими глазами. Но с некоторых пор с ней стали происходить вещи, очень беспокоившие родителей. Все началось примерно полгода назад. Как-то ночью Маша пришла в спальню в слезах и рассказала, что ей приснился страшный сон. Марта успокоила дочь и снова уложила ее в постель. Но с тех пор подобные случаи стали повторяться с удручающим постоянством.

Первое время Марта не придавала этому особого значения. Мало ли что может присниться ребенку?! Ей самой в детстве тоже снилась всякая чертовщина. Но ночные кошмары стали буквально преследовать девочку. Особенно тяжело она переносила выжужные зимние ночи, когда за окном неистово завывал ветер. Марте и самой-то становилось не по себе в такие часы, а дочка буквально не могла найти себе места. С дикими глазами она металась по квартире, и в такие минуты Марте казалось, что перед ней не дочь, а какое-то постороннее существо. Черты лица девочки искажались до неузнаваемости. Она то начинала хохотать странным кудахтающим смехом, совершенно непохожим на ее естественный смех, то гримасничала и что-то невнятно бормотала, словно говорила на каком-то неизвестном языке. Тело ее покрывалось испариной, крупные капли пота катились по лицу. Иногда из носа шла кровь.

Раз Марта попыталась напоить ее холодной водой. И каков же был ужас, когда девочка откусила край тонкого чайного стакана и стала с хрустом жевать стекло.

Кое-как осколки были извлечены из рта.

Павел, наблюдая за поступками дочери, лишь растерянно качал головой. Потом стал злиться. Попадало, разумеется, Марте.

– Ты же врач! – кричал он. – Что же ты стоишь с опущенными руками?

Но Марта только молчала. Она не знала, что и думать.

Самое странное было то, что девочка, придя в себя, совершенно не помнила, что же с ней происходило. Словно начисто отшибало память.

Через некоторое время Марта все же решилась и отвела ребенка к детскому психиатру. Сделала она это с большой неохотой, так как полагала, что ничего хорошего из этого посещения не выйдет. Так и случилось. Психиатр – молодая ярко накрашенная дама – бегло осмотрела Машу, как-то нехотя расспросила о происходящем с ней и неопределенно пожалала плечами.

– На мой взгляд, ребенок вполне нормален, – сообщила она. – Особых причин для беспокойства нет.

Внутренне Марта вознегодовала, но, сдерживая себя, поинтересовалась, что же делать.

– Я выпишу ей успокоительное, – сказала докторша, – постарайтесь давать его регулярно, если улучшения не последует, придете снова.

Марта взяла рецепт и, схватив Машу за руку, выскочила из кабинета.

Лекарства, как и ожидала Марта, не помогли. Ночные кошмары продолжались. Правда, их интенсивность как будто уменьшилась. Было ли это следствием наступившей весны или существовали какие-то иные причины, Марта понять не могла. Но она чувствовала, что болезнь вовсе не отступила. Нужно было что-то делать. И тут она вспомнила про свою сокурсницу, которая стала специалистом по нервным болезням. Некоторое время, пока они учились на младших курсах, девушки были очень дружны, но потом произошло охлаждение, и к моменту окончания института они едва здоровались. Причиной охлаждения было замужество Марты. Подруга не одобрила ее выбора. Она с простодушной доверчивостью попыталась открыть Марте глаза на ее избранника. Говорила, что Павел обыкновенный лентяй-понтярщик, на которого не стоит обращать внимания. Но Марта, девушка достаточно самолюбивая, и слушать не хотела ничьих поучений. После этого дружба как-то сама собой угасла.

А после окончания института их пути и вовсе разошлись. Марта краем уха слышала, что ее бывшая подруга так и не вышла замуж, зато активно занялась наукой, психиатрией, защитила кандидатскую, но преподавателем в медицинский не пошла, хотя, по слухам, ее упорно туда звали.

Эта область науки представлялась Марте темным лесом. Да и самих психиатров она, придерживаясь распространенного мнения, считала в большинстве своем чокнутыми. Однако про ее однокурсницу говорили, что она стала очень хорошим врачом. И Марта очень надеялась, что эти отзывы подтвердятся.

3

Галина Касьянова, так звали подругу, удивилась, увидев Марту в дверях своего кабинета. Прием в психоневрологическом диспансере подходил к концу, когда в дверь робко заглянула и поздоровалась с ней женщина, которую в первую минуту Галина не узнала.

– Проходите, – кивнула она, указывая на стул.

– Ты не помнишь меня?

Касьянова подняла на нее глаза и всмотрелась в красивое ухоженное лицо посетительницы.

– Марта? – с легким удивлением воскликнула она.

– Ну вот и узнала, – радостно констатировала Марта, почувствовав по тону, что ей искренне рады.

Галя и вправду была рада. Она давно хотела увидеть бывшую подругу, но что-то ей мешало. Видимо, чувство вины за те давние споры. Откровенно говоря, она считала себя виновницей ссоры. Ну какое она имела право лезть в чужую жизнь, пусть даже в жизнь подруги?!

– У меня сейчас прием, – извиняющимся тоном сообщила Галина.

– В коридоре пусто, – отозвалась Марта. – А если кто зайдет, то я выйду.

Галина кивнула.

– Ну, рассказывай, как живешь. Я слышала, твой Павел стал предпринимателем? – спросила она с чуть заметной иронией.

Марта уловила в тоне отголоски давнего спора и усмехнулась.

– Да какой там предприниматель. Ты, в общем, тогда была недалеко от истины. Человек он неплохой, но много в нем пустозвонства, да и лени хватает. – Этим заявлением она дала понять, что забыла старую ссору.

Галина оценила прямооту Марты. Подруги весело защебетали, вспоминая былое: учебу, институтских товарищей, преподавателей.

Марта смотрела на Галину и удивлялась. Казалось, та ничуть не изменилась. Вытянутое, чуть лошадиное лицо по-прежнему свежо. И хотя оно не блистало красотой, на нем почти не было морщин. Большие карие глаза смотрели весело и открыто. Прошедшие годы, похоже, ничуть на ней не отразились.

И Марта втайне ей позавидовала.

– Неплохо выглядишь, – констатировала она, – ты, я слышала, не замужем?

– Да как-то не пришлось.

– Зато, говорят, делаешь научную карьеру?

– Ты, я смотрю, неплохо осведомлена. – Галина ласково дотронулась до руки подруги. – Ну, рассказывай, зачем я тебе понадобилась.

Довольно путано Марта объяснила причину своего прихода.

Галина внимательно слушала, не перебивала, лишь изредка кивала головой.

– А ты обращалась к детскому психиатру? – наконец спросила она.

– Ходили мы, – с досадой произнесла Марта, – да толку никакого.

– К кому же?

Марта назвала фамилию.

Касьянова усмехнулась:

– Да, эта вряд ли чем-нибудь тебе поможет.

– А что же делать?

– С какой частотой происходят у девочки приступы?

– Зимой случались почти каждую неделю, а иногда повторялись несколько дней подряд. Сейчас – реже, но тоже с хорошей периодичностью. В мае уже два раза, последний раз позавчера. Он был особенно неприятен. Машка в этот раз крепко сжимала низ живота и беспрерывно визжала. Я еле сумела оторвать ее руку. Так продолжалось минут двадцать, может, полчаса. Потом она, обессиленная, упала на кровать и заснула. Этим обычно все и кончается.

– А что, бывают еще какие-нибудь проявления?

– Да в общем-то, нет. Один, правда, раз она так и не заснула. Точнее, продолжала находиться в трансе, но успокоилась и, казалось, вела с кем-то диалог.

– Что же она говорила?

– Речь ее была невнятна, но, похоже, с кем-то спорила. Говорила, что она не хочет быть такой.

– Какой?

– Вроде бы некто заставлял ее сделать что-то очень плохое, а она отказывалась. Но в этот момент вела себя очень спокойно, не плакала, не кричала, как обычно, только говорила невнятно. Почти ничего нельзя было разобрать.

– Вот что, – сказала Касьянова, внимательно глядя на Марту, – приведи девочку ко мне. В любой день, когда я на месте, лучше к концу приема, чтобы нам никто не мешал.

– Завтра же приведу, – обрадовалась Марта. На этом они распрощались.

Назавтра Марта снова была у дверей знакомого кабинета, теперь уже с Машей.

В свои тридцать лет Галина имела о жизни несколько утрированное представление. Собственно говоря, она существовала в некоем замкнутом мирке, где центром была работа. Впрочем, не просто работа, а некий фетиш, служить которому нужно было слепо и безоглядно, отдавая всю себя без остатка. Еще со студенческих лет она решила полностью посвятить себя медицине. И конфликт с Мартой был вызван даже не ревностью к Павлу, не стремлением уберечь подругу от опрометчивого шага. Здесь присутствовали совсем другие мотивы. По правде говоря, поначалу Галина видела в Марте того человека, с кем можно рука об руку продвигаться вперед по тернистому пути науки. Проще говоря, искала единомышленницу, так же преданную медицине, как и она.

Однако Марта отнюдь не собиралась быть «синим чулком».

Поэтому Галина отвергла ее и с тех пор уже не обзаводилась подругами, опасаясь потенциального предательства. Она успешно продвигалась по этому самому «тернистому пути», но с годами одиночество стало все больше тяготить. К тому же, будучи «человеком идеи», Галина Касьянова считала, что не реализовала себя до конца. Да, кое-чего она достигла, обзавелась научной степенью и к тому же стала книжным червем. Она – практик. И практик именно в такой непростой науке, как психиатрия.

В свое время среди множества медицинских отраслей она выбрала психиатрию, считая, что именно эта наука – передний край медицины. Столкнувшись на практике с реальным положением дел, очень скоро поняла, что это вовсе не передний край, а задворки, по крайней мере в нашей стране. Поначалу это привело ее в отчаяние, но вскоре она решила, что в силах бороться с обстоятельствами хотя бы на своем месте. И верно служила этой идее.

На личную жизнь при таком служении не оставалось времени. Но все чаще задерживала Галина взгляд на чужих детях, понимая, что по собственной воле обделила себя чуть ли не самым важным, что только существует в жизни. Эта тоска становилась все сильнее, и Галина начала всерьез подумывать о том, чтобы родить ребенка. Кто будет отцом, ей, в общем-то, было наплевать – был бы здоров. Решимость эта крепла с каждым днем. И сейчас, увидев на пороге своего кабинета Марту с дочерью, она тут же влюбилась в красивую светловолосую девочку.

«Ведь и у меня могла быть такая прелесть», – тоскливо подумала она, умиленно разглядывая Машу.

Маше почему-то тоже с первого взгляда понравилась тетя Галя, про которую так много рассказывала мама по дороге в больницу. Она разглядывала даму в белом халате и шапочке и мысленно прикидывала, как бы сама выглядела в подобном облиции. Выходило, что неплохо. Маша очень редко видела мать в рабочей обстановке и не проявляла интереса к ее профессии, тем более что часто слышала от отца насмешливые реплики по поводу маминной работы. А тут все было так интересно. Например, этот странный блестящий молоточек, лежащий на столе. И еще более странные рисунки, развешанные по стенам. Один из них особенно привлек ее внимание. На нем была изображена голая женщина, бегущая от преследующего ее не то человека, не то чудовища. Рисунок был выполнен довольно небрежно, в торопливой скачущей манере, но тем не менее производил сильное впечатление.

Галина слегка покраснела, увидев, с каким вниманием рассматривает девочка картинку.

Она кашлянула и смущенно посмотрела на Марту.

– Ничего страшного, – отозвалась та, поняв причину конфуза. – Она и не такое смотрит по виду. Хотя картинка, конечно, довольно странная. Кто рисовал? Уж не ты ли?

– Ну что ты, – Галина чуть растерянно улыбалась, – я одно время собирала образцы творчества душевнобольных. Так и висят...

– Странное, однако, творчество, – хмыкнула Марта, – уж не сам ли автор гонится за этой дамой?

– Кто знает, – неопределенно отозвалась Галина, – правда, эту картину нарисовала женщина.

– Тогда все понятно, – усмехнулась Марта, – нереализованное сексуальное чувство...

Галина еще больше покраснела и показала глазами на девочку, которая продолжала изучать рисунки.

– Маша, – строго сказала Марта, – не отвлекайся, мы сюда не картины смотреть пришли.

Маша неохотно вернулась к столу.

– Галина Васильевна должна посмотреть тебя.

– Ну почему же Галина Васильевна? – Касьянова поморщилась. – Просто тетя Галя. Договорились, Машенька?

Девочка вежливо кивнула.

Осмотр продолжался долго. К концу Маша даже начала зевать. Сначала было довольно интересно: перед ее носом водили тем самым блестящим молоточком, заставляли закрывать и открывать глаза и дотрагиваться пальцем до кончика носа, мерили давление, для чего надевали на руку тугую резиновую манжетку и накачивали ее воздухом... Но вот вопросы ставили девочку в тупик, хотя Маша без колебаний отвечала на них. Зачем, скажем, нужно было считать до ста, к чему было спрашивать, какой сейчас год и месяц? Неужели симпатичная тетя Галя сама этого не знает? Наконец Касьянова закончила процедуру и посмотрела на Марту, напряженно следившую за выражением ее лица. Она ждала заключения.

– Послушай, Маша, – сказала Галина, обращаясь к девочке, – давай-ка я отведу тебя в соседнюю комнату, там рисунков еще больше. – Маша охотно согласилась.

– Ну и?! – спросила Марта, когда хозяйка кабинета вернулась.

– Никаких видимых отклонений я не нашла.

Марта облегченно и одновременно разочарованно вздохнула.

– А что ты хочешь, – чуть раздраженно сказала Галина, правильно истолковав характер этого вздоха, – внешне ребенок нормален. Да и к тому же я только познакомилась с ней, даже

самое выдающееся светило в такой ситуации вряд ли смогло бы сказать больше. Человеческий мозг – механизм тончайший. Это тебе не эрозию шейки матки вычислить.

– Ну, знаешь, – сердито произнесла Марта, недовольная тем, что в который раз задела ее профессиональную гордость. – Обычная история: гинекологов и за людей не считают. Конечно, у нас работенка грязноватая, не то что молоточком перед носом вертеть.

– Не злись, – засмеялась Касьянова, – давай не будем насчет грязной работы. Я бы хотела, – серьезно продолжала она, – поизучать Машу, так сказать, в домашней обстановке, пообщаться с ней один на один, без посторонних.

– Это я-то посторонняя? – снова обиделась Марта.

– С девочкой у меня уже, кажется, контакт установлен, – сказала Галина, не обращая внимания на реакцию подруги, – необходимо его развивать.

– Да приходи к нам в любое время, – отозвалась Марта.

– Я, конечно, приду, – Галина задумчиво вертела в руке молоточек, – но было бы неплохо, если бы мы общались вне дома, скажем, погуляли бы в парке. Я бы смогла осторожно ее расспросить, а дома, знаешь ли, не та обстановка.

– Я не возражаю, но умеешь ли ты ладить с детьми, ведь своих, насколько я знаю, у тебя нет?

Галина промолчала, но по тому, как лицо подруги внезапно стало напряженным, Марта поняла, что сморозила бестактность.

– Извини, Галка, – тихо произнесла она, – я просто дура и очень волнуюсь.

– А пока сдайте анализы, – суховати сказала Касьянова, – сейчас выпишу направление.

В этот момент вернулась Маша, чувствовалось, что ей надоело пребывание среди странных рисунков.

– Мама, скоро мы домой пойдем? – нетерпеливо спросила она.

– Ты не возражаешь, если мы с тобой еще увидимся? – спросила у девочки Галина.

– Здесь?

– Нет, я к вам в гости приду.

– Приходите, – сказала Маша без особого восторга, – я вам своих кукол покажу.

– Интересны ей твои куклы, – фыркнула Марта, забирая направления.

Они распрощались и покинули кабинет, а Галина долго еще сидела, уставившись в одну точку. Перед глазами стояла Маша: точеная фигурка, капризное кукольное личико. Острая тоска захлестнула сердце.

«Какая же я идиотка, – грустно думала она, – это меня надо было вовремя лечить от глупости и самомнения. Ну чем я хуже этой Марты?! Но у нее есть дочь, а у меня нет. Вот и живу, как сухая ветка. Скриплю потихоньку, а что толку?»

Она вскочила, сорвала со стены рисунок с голой женщиной и стала яростно его рвать. Однако через минуту рассудок взял верх.

«Что-то ты, мать, распускаться стала, – сказала она себе. – Нервишки сдают. Опасное состояние».

Некоторое время она стояла среди обрывков бумаги, устилающих пол, потом медленно начала их собирать.

Почему-то она все не решалась зайти к своей новой пациентке, хотя Марта оставила адрес. Что было причиной? Нежелание бередить свои раны или некоторое отчуждение, снова возникшее между ней и Мартой? Но через три дня мать и дочь Глиномесовы появились снова.

Едва Галина увидела девочку, как волна острой болезненной нежности накатила на нее. Она и сама не ожидала от себя такой реакции.

– Вот наши анализы, – сказала Марта и достала из сумочки кучу бумажек.

Маша между тем по-хозяйски огляделась и, увидев, что на стене не хватает одного рисунка, вопросительно посмотрела на доктора.

– А куда делась картина с чудовищем? – поинтересовалась она.

– Выбросила, – отозвалась Галина, – мне неприятно, что ты на нее смотрела.

– Не-при-ят-но? – по слогам, нараспев произнесла девочка. – А почему неприятно?

Марта тоже с удивлением воззрилась на подругу, но ничего не сказала. Вообще она держалась сдержаннее, чем в прошлый раз, видимо инстинктивно почувствовав, что Галину обуревают какие-то сложные чувства.

– А почему неприятно? – не отставала девочка.

– Картину эту нарисовал больной человек, – строго произнесла Галина, – и детям ее разглядывать вредно.

– А почему другим не вредно?

Галина даже не нашлась, что ответить.

Она бегло просмотрела анализы. Они были в норме.

– А где же электроэнцефалограмма? – поинтересовалась она. – Не успели?..

– Сломался энцефалограф, – объяснила Марта, – починят только через неделю. Так, во всяком случае, нам объяснили.

– Ага, – задумчиво произнесла Галина. – Завтра мне надо быть в лечебнице, – неожиданно сказала она. – Маша может поехать со мной, там и сделаем энцефалограмму. Поедешь, Маша?

– На «скорой помощи»? – с любопытством спросила девочка.

– Нет, на «Запорожце».

– У тебя есть машина? – поинтересовалась Марта.

– Если можно назвать эту железяку машиной, но бегаёт пока неплохо.

– А я так и не научилась. Павел одно время заставлял, потом рукой махнул.

– Никогда не ездила на «Запорожце», – с сомнением произнесла Маша, – это что, такая маленькая машинка?

– Поедет, конечно, – ответила за дочь Марта, – лечебница ведь довольно далеко от города?

– Можно, конечно, и на электричке, но на машине удобнее. К тому же места там живописные, сосновый бор, есть речка...

– А в бору дятлы? – неожиданно спросила Маша.

– Дятлы есть, – подтвердила Галина.

– И ежи?

– Наверное, и ежи водятся.

– Тогда поеду, – согласилась девочка, – я ни разу в жизни не видела ежа.

На следующий день часов в десять утра Галина подкатила на своем «Запорожце» к дому Глиномесовых. Ее уже ждали. На тротуаре возле подъезда стояла Маша, а рядом с ней высокий крупный мужчина с приличным брюшком. Галина с трудом узнала в этом человеке Павла. Правда, и раньше она видела его всего несколько раз. Но в молодости он был стройным, подтянутым парнем с романтической внешностью, сейчас же перед ней стоял обыкновенный обрюзгший мужик.

«Так ему и надо, – с неожиданной мстительностью подумала Галина, но тут же одернула себя. – Что, собственно, он тебе сделал?» Но, как видно, что-то все же сделал, иначе откуда эта мгновенная враждебность?

Павел с улыбкой поздоровался с Галиной, и улыбка была по-прежнему обаятельной, словно на миг к нему вернулась молодость.

– Много слышал о вас, – вежливо сказал он. – Марта на работе, вот поручила мне проводить, – он кивнул на девочку. Та неловко переминалась на месте и, казалось, стеснялась.

Павел мельком взглянул на «Запорожец», едва заметная усмешка скользнула по его губам. И снова Галина испытала неприязнь к этому человеку.

Ни слова не говоря, Маша уселась в машину, и они тронулись.

Некоторое время их путь пролегал по городским улицам, движение было интенсивным, и Галина внимательно следила за дорогой. Одновременно она напряженно думала, как же поскорее установить с девочкой контакт.

Еще в момент первой встречи она поняла, что Маша – ребенок очень непростой. Сейчас, когда умиление хорошенькой, как кукла, девочкой уступило место чему-то похожему на привязанность, Галина решила не форсировать события, не лезть, что называется, ребенку в душу.

Она чувствовала, что нравится девочке, но в то же время Маша смотрит на нее с некоторым превосходством. Видимо, определила такое отношение неброская внешность да, пожалуй, и «Запорожец». Галина вспомнила плохо скрытую насмешку на лице Павла.

Некоторое время Маша молчала, поглядывая в окно.

– А у нас «Жигули» – «девятка», – неожиданно сказала она, – папа говорит, что скоро купит еще иномарку.

– Мне тоже недавно предлагали сменить «Запорожец» на иномарку, – произнесла в ответ Галина, – но я отказалась.

– Отказались? – удивилась Маша. – Почему?

– Зачем мне иномарка?

– Вы шутите, – Маша недоверчиво посмотрела на нее.

– Совершенно серьезно.

– А на какую марку?

– Марка отличная – «Зингер».

– Что-то я не слышала про такие машины, а она чья, из какой страны?

– Американская.

– Американская? – с уважением повторила Маша. – И вы не согласились?

– Может, и сглупила, но я вовсе не умею шить.

– Шить?! – изумилась Маша.

– Ну да. «Зингер» – это швейная машина.

Девочка громко захохотала.

– На швейную машинку я бы тоже не сменялась, – сообщила она. Рассмеялась и Галина.

– Я, честно говоря, никогда не думала, что буду водить машину, – через минуту сказала она. – Но умер папа, и «Запорожец» перешел ко мне. По наследству. Сначала я хотела продать, но потом подумала: дай-ка попробую. Пошла на курсы. Получила права. И вот уже три года за рулем. Ничего, привыкла. Сейчас даже нравится.

– И она у вас ни разу не ломалась?

– Конечно, мелкие неполадки бывают, но папа обращался с ней очень аккуратно, и я стараюсь делать так же, может быть, поэтому машина меня любит, не капризничает.

– А разве машина может любить человека?

– А почему нет?

– Опять шутите?

– Во все не шучу.

Девочка на некоторое время замолчала, видимо, что-то обдумывала.

– Когда я вырасту, то тоже буду водить машину, – сообщила она. – Мама вот не умеет, а как было бы хорошо, если бы умела. Тогда бы мы часто ездили за город, в лес, на озеро... Вот вы водите хорошо, – уважительно произнесла она.

Город закончился, по сторонам шоссе замелькали одноэтажные домики, огороды, а скоро и первые перелески. Стоял конец мая, солнце светило с неистовой силой. Еще не запыленная листва играла всеми оттенками изумруда.

– Долго нам ехать? – спросила Маша.

– Примерно час.

– А эта самая электро... – Девочка запнулась.

– Электроэнцефалограмма?

– Да. Это больно?

– Ну что ты! Ничего страшного. К голове присоединяют провода на присосках. Совсем не больно.

В голосе девочки не было особой тревоги, но Галина почувствовала, что та все же побаивается.

– И для чего все это? – грустно сказала Маша.

– Чтобы проверить состояние твоего здоровья.

– Но я совершенно здорова. Это все мама выдумывает. Не дает ей покоя мое здоровье.

Медицинское образование, видимо, сказывается.

Галина почувствовала в словах девочки интонации Павла.

– Она очень беспокоится, – продолжала Маша, – эти мои сны ее пугают. А что тут такого? Многие дети видят во сне кошмары. Вот у меня в школе подружка есть – Кацнельсон Вера. Ей тоже снятся страшные сны, а ее мама совершенно спокойно к этому относится. Не бегают по больницам.

– Что же ей снится? – спросила Галина.

– Да ничего особенного, то на нее собака нападет, то фашисты в нее из автомата стреляют. Разве с моими кошмарами сравнить? Я как-то стала ей рассказывать про свои сны, так она глаза вытаращила и просит, чтобы я ей каждый сон рассказывала. Интересней, чем сказка, говорит.

«Значит, девочка все же помнит свои сновидения, – отметила Галина, – но почему-то не рассказывает их матери». Она не спешила спрашивать Машу, а ждала, пока та сама заговорит на эту тему. Но девочка молчала.

– А что, – спросила Маша, – в больнице, куда мы едем, ненормальные люди лежат?

– Психически нездоровые, – поправила Галина.

– Их там лечат?

– Стараются, во всяком случае.

– Значит, не вылечивают?

– Ну, кого как. Некоторых вылечивают.

– А те, кому снятся разные сны, тоже больные?

– Сны, в общем, снятся почти всем.

– Да нет, страшные сны, ну вроде тех, какие нарисованы на картинках в вашем кабинете.

– И страшные многим снятся.

– Сны – это искаженное отражение реальности, страхи, загнанные в подсознание, – так у этого, как его... Фрейда написано.

– Ты что же, Фрейда читала? – поразилась Галина.

– Это папа маме говорил, а я услышала. А кто такой Фрейд?

– Психиатр, – односложно ответила Галина.

– Как вы?

– Вроде того.

Разговор на некоторое время прекратился. Девочка стала смотреть в окно, а Касьянова обдумывала услышанное. Значит, и в теорию сновидений девочка посвящена. Однако! Культура семимильными шагами идет в массы. Вот только культура ли?

– Все же я не понимаю, – неожиданно продолжила девочка разговор, – какие именно страхи загнаны в мое подсознание, не было у меня никаких страхов.

– Ну этого ты можешь и не помнить, – предположила Галина.

– Как же это не помнить? Вот как-то раз мы отдыхали на море, мне было тогда семь лет, и я нечаянно упала с пирса в море. Вот тогда было страшно, но ведь этот случай я прекрасно помню. Очень отчетливо. Какой-то дядька кинулся за мной следом прямо в одежде, схватил за волосы и вытащил на берег. Очень было больно, а мама потом меня еще и отшлепала. А то, что мне снится, нисколечко на этот случай не похоже.

– Вот ты говоришь: снится, а мама твоя рассказывает, что ты не помнишь своих снов.

– Это я сначала не помню, а потом они проявляются, как будто что-то включается, и я их вспоминаю. Как телевизор. Включил – и он показывает.

– Обычно бывает наоборот, – сказала Галина, – человек хорошо помнит сон, когда только что просыпается, и тут же его забывает.

– А у меня не так.

– И что же тебе снится? – не выдержала Галина.

Девочка, видимо, долго ждала, когда ее об этом спросят. Она сделала важное лицо и начала рассказывать:

– Иногда мне снится огромный черный лес. Ночь. Горит костер, и возле костра какие-то люди. Женщины, молодые и старые... Происходит что-то непонятное, страшное. Все кружатся около этого костра и словно кого-то ждут. И тут появляется оно.

– Оно? – переспросила Галина.

– Да, это не мужчина и не женщина, а нечто огромное, бесформенное и страшное. Но становится не страшно, а, наоборот, очень радостно. Все начинают обниматься, веселиться...

Девочка замолчала, что-то обдумывая.

– А потом? – спросила Галина.

Маша посмотрела на нее и облизнула губы. Видимо, раздумывала, продолжать рассказ или нет.

– Потом бывает разное, – наконец сказала она.

– Что же?

Девочка замолчала.

– Ну, не хочешь – не говори.

– Нет, почему же, могу рассказать. Вам можно, вы... – Она запнулась.

Галина замерла, ожидая продолжения.

Но девочка внезапно замкнулась и молча уставилась на дорогу.

«По-видимому, сны имеют сексуальный оттенок, – решила Касьянова, – вот ребенок и стесняется говорить на эту тему».

Наконец вдали показались дома поселка, возле которого располагалась лечебница. Машина съехала с асфальта и стала продвигаться по грунтовой дороге, вдоль которой в лужах плескались многочисленные гуси и утки.

Маша с интересом смотрела на всю эту домашнюю живность, видеть которую ей приходилось нечасто.

– Ой, теленок! – воскликнула она, и Галина тоже на миг ощутила себя десятилетней девочкой, впервые попавшей в деревню.

Поселок скоро кончился, и они очутились перед массивными железными воротами, в стороны от которых расходился высокий, увенчанный колючей проволокой забор.

– Как тюрьма, – тихо сказала Маша.

Ворота открылись, и они въехали внутрь.

Кусты сирени и чахлые сосенки окружали приземистые помещения, в которых размещались больные. Галине не раз приходилось здесь бывать, однако она так и не смогла привыкнуть к этому месту. Слова Маши «как тюрьма» оказались как нельзя кстати. Они точно определили отношение самой Галины к учреждениям подобного типа.

Казалось бы, давно пора не реагировать. Но нет. Так и не привыкла.

Кругом было пустынно. Машина подъехала к небольшому двухэтажному зданию, в котором находились административный корпус и лаборатория.

– Ты посиди пока в машине, – сказала Галина девочке, – я скоро приду.

Минут через десять она вернулась, взяла Машу за руку и повела в здание.

Процедура оказалась совершенно безболезненной, и Маша, чуточку боявшаяся, совсем успокоилась. Без особого интереса смотрела она на гудящий аппарат, из которого выползала длинная узкая бумажная лента, испещренная чернильными штрихами. Она поняла, что эти штрихи как-то отражают работу ее мозга. Как только аппарат замолчал, появилась Галина и увела девочку. Они снова вышли из здания.

– Тебе придется подождать меня в машине, – сообщила Галина, – может быть, довольно долго. Но постарайся от машины далеко не отходить и жди меня. Там в сумке, – она кивнула на заднее сиденье, – печенье и газированная вода. Если захочешь есть, бери, не стесняйся.

– А вы скоро придете?

– Постараюсь как можно быстрее.

Некоторое время Маша сидела в машине. Но скоро ей стало скучно. Вначале захотелось пить. Она открыла бутылку воды и отхлебнула прямо из горлышка. Вода была теплой и противной, во рту остался какой-то металлический привкус. Он был настолько неприятен, что Маше захотелось заглушить его.

«Сейчас бы простой воды», – подумала она, с тоской глядя в окно машины. Жажда становилась нестерпимой.

Маша вылезла из машины и в растерянности остановилась перед входом в здание, не решаясь открыть дверь. Хоть бы спросить у кого, где можно напиться. Но вокруг не было ни души. Наконец Маша решилась, открыла тяжелую дверь и неуверенно вошла в темный прохладный коридор. Куда идти? Дорогу она, конечно, не запомнила. Она медленно побрела по длинному коридору и тут же увидела идущую навстречу фигуру в белом халате.

– Тебе чего, девочка? – спросила медсестра.

– Я пить хочу.

– Пить? А ты как здесь оказалась? Таким, как ты, тут не место.

– Я с Касьяновой приехала.

– Ах так. Ну, пойдём, я тебя напою.

Они вошли в какую-то комнату и остановились перед большим баком, на котором было написано «питьевая вода». К баку на длинной цепочке была прикреплена металлическая кружка. Сестра наполнила кружку и подала Маше. От воды пахло хлоркой. Превозмогая себя, девочка сделала пару глотков, но на большее ее не хватило. Она протянула кружку медсестре.

– Ты же пить хотела? – недоуменно произнесла та, но потом разглядела гримаску отвращения на лице девочки. – Что, вода не понравилась? Ну уж извини, у нас другой нет.

Медсестра сердито удалилась, на прощание молча махнув рукой в сторону выхода, и Маша снова осталась одна.

Она опять очутилась на улице. По-прежнему вокруг было пусто. Стояла тяжелая жара, и не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Воздух, казалось, звенел.

Хотя Маша толком и не напилась, жажда неожиданно мучить перестала. Зато захотелось в туалет. Но вновь входить в это странное здание не тянуло. Там небось и туалеты странные, вроде этого бака с питьевой водой. Девочка вспомнила звяканье металлической цепи, запах хлорки и поежилась. Проще дойти до ближайшего куста сирени, благо они тут густые, а кругом так пустынно. Так что бояться нечего.

Еще сидя на корточках, девочка услышала чьи-то голоса. Она испуганно вскочила и хотела уже побежать к машине, но потом вспомнила, где находится. Откровенно говоря, она и согласилась ехать сюда в надежде увидеть хоть одного сумасшедшего. Какие они, сумасшедшие, она представляла плохо. Неужели именно такие, как те маньяки, которых она нагладелась по виду?

Девочка осторожно пошла на звук голоса.

Через несколько шагов она увидела скамейку, на которой сидели двое. Одеты они были в нелепые одежды, напоминающие застиранные до белых ниток пижамы, а старший еще и в синий ватник. Именно его голос и услышала Маша.

Его собеседником, вернее, слушателем, был мужчина лет тридцати, с гладким, как репа, румяным лицом и наголо остриженной головой.

По-видимому, это и были сумасшедшие, о которых она так много слышала. Девочка смотрела на них во все глаза. На первый взгляд, ничего странного, кроме одежды, в этих гражданах не наблюдалось. Старик и вовсе был похож на их соседа, отставного полковника милиции Каратыгина. Он точно так же, как Каратыгин, надувал при разговоре щеки, отчего казалось, что он сердится. У него были усы и густые бакенбарды, точно такие же, как у полковника. Маша сначала даже подумала, что это Каратыгин и есть.

Но вот разговор, который вел человек, так похожий на их соседа, был крайне неприличен. Говорил двойник полковника о женщинах, причем в таких выражениях, что даже десятилетняя девочка поняла их смысл. Рассказывал о какой-то графине. По понятиям Маши, графиня – создания благородные и воздушные – бывают нынче только в сказках. Эта же графиня, если верить описаниям старика, была очень мерзким созданием. Маша даже мысленно не решилась бы повторить те эпитеты, которые использовал старик, рассказывая о ней.

Обращался он непосредственно к собеседнику, постоянно требуя от того подтверждения своим мыслям. Но тот почему-то упорно молчал и лишь кивал головой.

Вдоволь насмотревшись на сумасшедших и поняв, что, представляя их, она была далека от истины, девочка хотела было уйти, но в этот момент ее заметили. То ли ли веточка хрустнула под ногами, то ли ее яркое платье мелькнуло среди листвы и привлекло внимание, но невольный соглядатай был обнаружен.

– А ну-ка иди сюда! – грозно произнес старик.

Маша стояла ни жива ни мертва. Все тело будто свело судорогой, и не было сил бежать.

– Иди-иди! – еще громче приказал старик.

«Лучше подойти, – мелькнула мысль, – а то, если побегу, догонит, непременно догонит». Что может случиться потом, она даже представить боялась. Девочка вышла из-за кустов и подошла к скамейке. Некоторое время старик грозно смотрел на нее и молчал.

– Это она! – наконец сказал он, обращаясь к товарищу. – Она, точно, дочь графини. – Тут он назвал какую-то фамилию. – Так ли это? – продолжал он, обращаясь к девочке. – Отвечай!

Маша решила не спорить и молча кивнула.

– Вот! – старик поднял палец вверх. – Я был прав! Они и здесь выследили меня.

В этот момент собеседник старика поднял дотоле опущенные глаза и посмотрел на девочку. Взгляды их встретились. Какое-то время Маша с испугом смотрела на стриженного

«под ноль» человека, но вскоре ее охватило невероятное, в высшей степени странное чувство. Она перестала обращать внимание на сидевшего рядом старика и неотрывно глядела на его соседа. Ей стало казаться, что все это происходит не с ней, а с кем-то посторонним. Одновременно нечто огромное, темное входило в нее, заполняло до краев, мешало дышать, мешало взирать на солнце, на зеленую траву, на весь этот сверкающий мир. Глаза стриженного притягивали как магнит, в них хотелось смотреть и смотреть, забыв обо всем. Теперь и стриженный внимательно вглядывался в девочку. Лицо его начинало меняться. Еще с полминуты назад оно казалось придурковатым и недоделанным, как будто кто-то лепил его из пластилина и не закончил, сейчас же оно приобрело четкость и значительность, словно одушевленное чьей-то внезапной сверхъестественной волей. Обнажились в улыбке, напоминающей волчий оскал, желтые прокуренные зубы, в зеленоватых глазах замерцали золотистые искорки, нос заострился и побледнел. Впрочем, побледнело и все лицо. Одновременно на нем появилась заискивающая угодливость. Казалось, скомандуй сейчас Маша, он бросится на старика в ватнике и будет грызть его, пока не прикончит.

Старик внезапно замолчал и тоже словно что-то почувствовал. Физиономия его некоторое время сохраняла грозное выражение, потом он стремительно соскочил со скамьи и, не разбирая дороги, бросился сквозь кусты.

В этот момент из-за кустов выскочили Галина и еще какая-то женщина в белом халате. Лицо Галины покраснело и было покрыто испариной.

– Вот она! – закричала Галина, и в голосе ее были одновременно радость и негодование. – Ты зачем ушла от машины и почему не отзывалась? Я уже минут пять кричу. – Потом Галина посмотрела на стриженного, и на лице ее снова отразился испуг.

– Он ничего тебе не сделал? – тревожно спросила она у Маши. Та отрицательно мотнула головой.

– Да что вы, Галина Васильевна, – вмешалась женщина в белом халате. – Проша и мухи не обидит. А где твой друг? – обратилась она к стриженному. – Шереметев-то где?

Тот не отвечал и продолжал неотрывно смотреть на девочку.

– Пойдем, Маша, – Галина потянула девочку за руку.

Маша еще некоторое время смотрела на человека, которого звали Прошей, потом направилась с Галиной к «Запорожцу».

Касьянова в сердцах рванула машину с места и пулей вылетела с территории лечебницы.

– Я очень испугалась, сама не знаю почему, – говорила она, петляя по разбитой дороге. – Выхожу, а тебя нет. Все-таки лечебница не то место, где могут находиться дети. Это, конечно, я виновата, бросила те-бя без присмотра.

– Но ведь ничего не случилось? – Маша недоуменно посмотрела на нее.

– Слава богу, что не случилось. Но мало ли что?! Ведь они – больные! И не просто больные. В большинстве своем они – невменяемы.

– Что значит – невменяемы?

– Не контролируют свои действия.

– Убить могут?

– Ну... – замялась Галина, – не знаю, убить не убить, а неприятности доставить могут.

– А тетя в халате, что была с вами, сказала, что этот Проша и мухи не обидит.

– Он-то, может, и не обидит, а вот другие... Ну хватит об этом. Сейчас свернем в лес, отдохнем, пообедаем.

Через несколько минут они остановились в светлом сосновом бору. Галина расстелила покрывало, достала еду.

Девочка ела неохотно, то и дело поглядывая по сторонам.

– Ты чего? – поинтересовалась Галина.

Маша неопределенно мотнула головой. Потом ее заинтересовал огромный муравейник, возвышавшийся неподалеку. Муравейник действительно был очень большой, почти в рост человека. Маша подошла к нему и стала разглядывать муравьев, снующих в траве и по стволам деревьев.

– Здоровый какой, – восхищенно произнесла она, – интересно, сколько их тут?

– Наверное, несколько миллионов, – ответила Галина.

– Миллионов?! – Глаза девочки округлились. – Столько, сколько людей в нашем городе?

– Нет, у нас в городе населения значительно меньше.

– Значит, как в Москве?

Галина не стала возражать, пусть будет как в Москве.

– И похожи они на людей, – продолжала наблюдать Маша, – так же суетятся, куда-то бегут, вон жука дохлого тащат, наверняка своим детям для пропитания. А этот щепочку тянет, щепка в пять раз больше него самого, а все равно тянет. Видать, сам не знает – зачем.

– Наверное, чтобы муравейник строить, – подсказала Галина. – Да он и так большой, чего же его еще строить? Нет чтобы остановиться, подумать.

Девочка неожиданно пнула по краю кучи ногой, обутой в кроссовку.

– Зачем ты это сделала? – строго спросила Галина.

– Вон как забегали, – засмеялась Маша, не обращая внимания на окрик. – Засуетились... – Она посмотрела на Касьянову. – А если туда горящую палку воткнуть или факел?

Галина молча смотрела на девочку.

– И весь муравьиный город сгорит, – продолжала та. – Все их постройки, запасы и даже дети. И вся эта беготня, суета окажутся вовсе ни к чему. Вот и человек так: суетится, мечется без всякого смысла, а может, наши города или земля тоже вроде муравейника. Пройдет кто-нибудь мимо, кто в миллионы раз сильнее, пнет от нечего делать – и нет нас.

Галина с изумлением слушала эти рассуждения.

– Это тебе тоже папа сказал? – спросила она.

– Нет, сама додумалась, вот прямо сейчас. А вы что же думаете, что я вообще дура, как эти в лечебнице?

Галина уже не в первый раз не нашлась, что ответить.

– Хотя там тоже, конечно, не все дураки, – продолжала девочка. – Вот этот Проша, например...

– Что Проша?

Но Маша не стала развивать свою мысль и улеглась на покрывало, муравьи перестали ее интересовать.

– Разные сны были, – помолчав, ни с того ни с сего заявила она. – То леса эти. То костры, на которых людей сжигают.

– Неужели это снилось?

– Какие-то странные существа вокруг, не знаю, как и назвать. – Девочка как бы разговаривала сама с собой, не обращая внимания на устремленный на нее взгляд Касьяновой. А та старалась не пропустить ни полслова.

– Раз приснилось, что бегу я... – она задумалась, вспоминая, – да, бегу, но я – взрослая женщина. И тело у меня, как у взрослой женщины. И голая я. А за мной гонится, не сумею объяснить что, но не человек. Как на той картинке в вашем кабинете. И оно хочет меня... – она задумалась, – мерзости со мной всякие делать. Сегодня старик этот усатый там, на лавке, говорил подобные мерзости.

– А что он такое говорил? – насторожилась Галина.

– Ну будто сами не знаете, про мужчин и женщин.

Галина тихо ойкнула.

– Но вот что самое интересное, – неожиданно воодушевилась девочка. – Один раз был сон про Прошу.

– Про какого Прошу? – изумилась Галина.

– Про того, который в больнице был.

– Он тебе снился?!

– Может, и не он, но похожий кто-то. Глаза очень похожие, такие же зеленые с искорками. Как будто я – его хозяйка, а он – мой раб. Но не просто раб, а вроде учителя. Объясняет мне, для чего я и что должна делать.

– И что же ты должна делать?

Девочка посмотрела на Галину и усмехнулась. Потом налила в стакан лимонаду и выпила одним духом. Галина напряженно ждала.

Но Маша молчала, словно забыла, о чем говорила минуту назад.

– А когда эти сны у тебя начались? – осторожно спросила Галина.

– Прошлой осенью. Мальчишки во дворе щенка мучили. Хорошенький такой щенок, лопоухий, белый с рыжими пятнами. Дворняжка, конечно. Сначала они с ним играли, а потом мучить стали. Прутиком лупили, спички зажигали и бросали в него. Потом один говорит: «Давайте разожжем костер, накалим железку и проткнем щенка». Другие вроде не хотели, ну а этот парень все так и сделал по-своему. Щенок сначала визжал, а потом и визжать перестал, только пена изо рта, из пасти, – поправилась она, – у собак рта не бывает, из пасти пена пошла.

– До смерти замучили?

– Наверное, – равнодушно сказала Маша.

– И ты за щенка не заступилась?

– Я заступилась, мне его очень жалко было, но что я могла поделать, они же большие и их много.

– А дальше?

– Я пришла домой, папе с мамой ничего не сказала, умылась и легла в свою кровать. Ну и в кровати заплакала, так мне этого щенка жалко было.

– Мама к тебе не подходила, не спрашивала, почему ты плачешь?

– Да нет. Ей не до меня было. К нам в тот вечер гости пришли, какие-то папины друзья-предприниматели. А ночью первый раз мне приснился тот человек. И давай успокаивать меня: чего ты плачешь, говорит, стоит ли жалеть собаку? Ну и разное такое... Успокаивал, успокаивал... А потом достает откуда-то щенка этого, всего железкой истыканного, и уши отрезаны. «Посмотри на него, стоит ли из-за такой твари печалиться, мало ли их по подвалам скитаются, заразу разносит». Ну точно как мама говорит. Я посмотрела, и правда – чего это я редела? А человек тут как захохочет и стал превращаться...

Девочка замолчала.

– Во что? – в нетерпении спросила Галина.

Девочка посмотрела на нее, и странная улыбка появилась на ее лице.

– Вот так и приснился первый кошмар, – немного погодя закончила она.

– Я не понимаю, – напряженно спросила Галина, – ведь ты согласилась с ним, что щенок – тварь убогая?

– Согласилась.

– Так почему же ты испугалась?

– Не знаю, – Маша печально и как-то отстраненно вздохнула, – щенка все равно было жалко.

«Ну вот и разгадка причины кошмаров, – думала Галина, когда они возвращались в город, – чувство вины перед этим несчастным щенком, загнанное в подсознание, порождает их. Причина – беспокойная совесть. Девочка выговорила мне, значит, если следо-

вать логике психоанализа, избавилась от чувства вины. Но избавилась ли? И при чем здесь Проша? А может быть, столь яркое впечатление сегодняшнего утра наложилось на тот давний образ, тем более что в ее присутствии, видимо, велись какие-то непристойные разговоры. Это моя вина, – вновь казнила она себя, – не уследила. А впрочем, все ли тут так просто?»

Маша всю оставшуюся дорогу до дома молчала и таращилась в окно. Не то она стеснялась своей откровенности, не то просто устала. Только перед самым домом равнодушно констатировала:

– А ежика я так и не увидела.

Именно эта фраза подействовала на Галину сильнее всего, и она чуть не расплакалась.

Прошло несколько дней. Касьянова с нетерпением ждала продолжения этой истории, но Глиномесовы почему-то не появлялись и не звонили. «Все ли у них в порядке?» – с тревогой думала Галина и решила позвонить сама.

К телефону подошла Марта, судя по реакции, она обрадовалась звонку. Марта сообщила, что у девочки приступов пока не наблюдается.

– Маша много рассказывала о вашей поездке, ей очень понравилось в лесу, словом, мы решили отвезти ее в деревню. Пусть поживет на приволье, попьет парного молока... – В тоне Марты ощущалась некая неуверенность.

– Я бы на вашем месте подождала неделки две, мало ли что может случиться.

– Но ведь анализы и энцефалограмма показали, что все нормально?!

– Однако береженого бог бережет.

– Хорошо, мы подумаем, но я к тебе обязательно загляну в ближайшие дни.

В это же время Галине стало известно, что из психиатрической больницы сбежал Проша.

– Исчез, словно и не было, – рассказывал Касьяновой знакомый врач, – в тот день, когда вы приезжали, пообедал со всеми, а к вечеру пропал. Хватились его только к ужину. Ну, естественно, сразу бросились на поиски: как в воду канул. Кто бы мог подумать. Такой спокойный был. А его дружок Граф Шереметев ни с того ни с сего в буйство впал. Пришлось изолировать.

– И что же, Прошу так и не нашли? – без особого любопытства спросила Галина.

– Увы. Правда, особо и не искали, – замылся врач. – Пospрашивали в поселке, никто его не видел. А в городе, куда он, видимо, и отправился, как же его найдешь? Скорее всего одним бомжом станет больше. Рано или поздно опять к нам привезут. Приметы мы разослали.

На том разговор и закончился. Судьба бедного Проши мало интересовала Галину. Она лишь вспомнила, что с ним случайно столкнулась Маша. Но вряд ли стоит эти события как-то связывать. А вот судьба Маши волновала ее все больше и больше. Марта не появлялась, сама Галина звонить и тем более приходить к ним не хотела. Она все большую неприязнь чувствовала к семейству Глиномесовых. Только Маша... Жаль девочку. Окончательно испортят ее эти предприниматели. А ведь такая славная девчушка, умненькая... Галина вздыхала, вспоминая о Маше. Была бы у нее такая дочь. Но, видать, не судьба.

4

А в это время довольно далеко от места вышеописанных событий происходило следующее.

В старой части Будапешта на правом берегу Дуная много тихих узких улочек. В крохотном кафе на одной из таких улиц за столиком сидели двое.

Вечерело. Народу вокруг было мало. Даже вездесущие туристы в этот час куда-то исчезли.

Один из сидящих, невысокий лысый смуглый господин неопределенных лет с вислыми мадьярскими усами, явно был местным жителем, другой же, напротив, был полной его противоположностью. Высокий, немолодой, тучный, светловолосый, с красным лицом и носом картошкой, он был похож на скандинава.

Перед одним стоял стакан белого вина, перед другим – кружка светлого пива. Кроме этого нехитрого угощения, на столе имелась тарелочка с солеными орешками.

Разговор шел на английском, и оба говорили с заметным акцентом.

– Итак, – сказал венгр и отхлебнул из своего стакана, – итак, он исчез.

Блондин высоко поднял брови в знак удивления. Но, если не считать этой гримасы, лицо его продолжало оставаться бесстрастным.

– Прибыл гонец, – продолжал усатый, – привез письмо.

– А почему письмо, разве не проще было связаться по телефону?

– Не знаю, видимо, не доверяют связи.

– А гонец, он что, из наших?

– Нет, обычный жучок, которые нынче шныряют через границу туда-сюда. Заплатили ему, вот он и взял письмо.

Блондин неодобрительно покачал головой.

– Вручить первому попавшемуся подобное сообщение?..

– Да он все равно ничего бы не понял, даже если бы вскрыл. Но он не вскрывал, я проверил. – Блондин кивнул.

Какое-то время оба молчали. Усатый допил вино, щелкнув пальцами, подозвал официанта и заказал еще стакан.

– Исчезнуть он мог только в одном случае, – вымолвил наконец блондин, – если произошел контакт.

– Значит, предсказание сбылось? – вкрадчиво спросил усатый.

Блондин развел руками.

– Конечно, могло случиться что-нибудь непредвиденное, но мало вероятно. Скорее всего они действительно встретились.

Черный закивал и снова отхлебнул из стакана.

Потомок викингов взял из тарелки орешек и стал задумчиво его жевать.

Стемнело. К столику неслышно подошел официант и зажег стоящую на нем в тонком цилиндре свечу.

Пламя свечи бросало причудливые тени на лица сидящих. Они стали зловещими и какими-то древними, что вполне соответствовало этой средневековой улочке.

– Ребенок нам очень нужен, – продолжал блондин, – не просто нужен – необходим.

– А если с ним что-нибудь случится?

– С ребенком?

– Нет, со Стражем.

Блондин понурился, его грузное тело осело и, казалось, растеклось по ажурному летнему стульчику. Потом он поднял на усатого глаза.

– Это самое худшее, что только можно себе представить. Без Стража ребенок так и останется обычным, ничего не ведающим ребенком.

– Но ведь контакт произошел, а значит, полдела сделано.

– А нам-то с этого какая польза? Полдела!.. Одним словом, нужно послать туда человека. Чтобы отыскал обоих.

– Но как это сделать?

– Да это-то как раз самое простое. Мы же знаем, что они вступили в контакт. Иначе Страж бы не исчез. Ясно, что он отправился на поиски ребенка. Как только они встретятся, нужно их вывезти оттуда, не дожидаясь развития событий. Вывезти и доставить в известное вам место. Установить, почему ребенок там появился, где живет, кто его родители, не составит труда. Ясно, что лечебница, где содержится Страж, не Диснейленд, дети там бывают в ограниченном количестве. Попасть сейчас в Россию несложно. Вот только кого послать?

– Я могу поехать, – предложил усатый.

Блондин поморщился и залпом выпил свое пиво.

– Поехать должен кто-нибудь из сестер. В этом деле необходима женщина. Она скорее найдет общий язык с ребенком, да и ее прелести тоже могут понадобиться.

Усатый усмехнулся.

В этот момент вспыхнули разноцветные фонарики, развешанные над столиками кафе. Свет свечи сразу потускнел, и лица собеседников из таинственных и мрачных стали обыкновенными.

– Итак, решено, – сказав это, блондин поднялся. Встал и усатый.

– Посланца я подберу лично, – не глядя на усатого, произнес блондин, – а ваша задача – осуществлять связь и обеспечивать в случае чего прикрытие и экстренную помощь. Но я думаю, это не понадобится.

Усатый почтительно кивнул в знак согласия. После этого они, не прощаясь, разошлись.

Кафе совсем опустело, только свеча догорала в стеклянном цилиндре.

5

15 июня Галина Васильевна Касьянова, как всегда, вела прием больных. Он уже подходил к концу, когда раздался телефонный звонок.

Донельзя взволнованный голос, в котором Касьянова все же узнала голос Марты, что-то сбивчиво закричал в трубку.

– Ничего не понимаю, – раздраженно отозвалась Галина. День был тяжелый. Перед ней сидела больная с прогрессирующей формой невроза, и Галине было не до звонков.

– Ты Машу видела? – более отчетливо спросила Марта.

– Где я могла ее видеть? – удивилась Галина.

– Пропала девчонка, – заявила Марта трагическим голосом и, видимо, заплакала.

– Как пропала?

– Так и пропала. Отправили мы ее все же в деревню. К бабке Павла. Там бабка-то еле ходит! Уж я против была и на тебя ссылаюсь. Павел – ни в какую. Ребенок должен отдохнуть от городской жизни, и все тут! Уперся как бык. А сегодня утром звонят оттуда и сообщают, что она пропала. Павел сразу на машину и туда, а я осталась на случай, если она здесь объявится.

– Через час я буду у тебя, – растерянно сказала Галина и, услышав, что ее с нетерпением ждут, положила трубку.

«Черт-те что, – собираясь с мыслями, подумала она, – ведь говорила же Марте, чтобы держала Машу при себе. Но, может, это ложная тревога?»

Скоро Галина была у подъезда знакомого дома.

В квартире Глиномесовых заплаканная Марта бросилась ей на шею.

– Ужас, ужас какой-то! – причитала она.

– Никаких известий?

– Не знаю, ничего не знаю! – Она снова залилась слезами. – Павел с час, как уехал, пока никаких вестей. Позвонили в десять утра из тамошнего сельсовета, какой-то мужик, что-то бормочет. Я сначала подумала, хулиганит кто-то. Трубку повесила – снова звонок... «Дочка ваша пропала, – говорит, – еще вчера»... Я чуть в обморок не свалилась. Что, как? Ничего толком сказать не может. Поняла только, что еще вчера пропала. «А бабка где?» – спрашиваю. «Лежит, – говорит, – встать не может. Но мы девочку ищем, лес прочесываем». Лес!!! Ты представляешь!!! Мой ребенок ночью в лесу?!

– Может быть, домой уехала? – предположила Галина. – Надоело ей там, села на электричку – и в город. Мне показалось, что она способна выкинуть что-нибудь вроде этого.

– Я уж тоже думала, но нет там поблизости железной дороги, деревушка-то стоит в глухом месте. Если только на попутной машине... Но раз она исчезла еще вчера, то давно должна бы быть дома... Ой, Галка!!! – Она заревела во весь голос. – Время-то сейчас какое! То и дело про разных маньяков в газетах пишут!

– Успокойся, – строго сказала Галина, – не каркай раньше времени.

– И то... – Марта тяжело вздохнула, но плакать перестала. – Я не могу, мне надо выпить. – Она достала из стенки пузатую бутылку с коньяком. Вопросительно посмотрела на Галину. – Тебе налить?

– Нет, спасибо.

Марта выпила и стала жевать кусочек шоколада.

– Как только этот черт позвонил, ну из деревни, вроде тамошний участковый, я сразу на работу к Павлу, в его сраный офис... Он сначала глаза вытаращил: не может, мол, быть... Потом, правда, тут же собрался, взял с собой еще одного парня, телохранителем у него чис-

лится. И они поехали в проклятую деревушку. До нее езды – часа два. Так что уже, наверное, там.

Марта замолчала и снова налила себе коньяку.

– Если с Машкой что-нибудь случится, я никогда ему этого не прощу, – неожиданно спокойно заявила она.

– А он-то тут при чем?

– Это по его настоянию я отправила ее в деревню.

Она замолчала, видимо, что-то обдумывая. Галина огляделась. Она первый раз была у них в квартире. Жилище это, как и предполагала Галина, являлось средоточием вещей, должных поразить неискушенного человека. Многочисленная мебель – какие-то столики, пуфики, множество пестрых ненужных мелочей – все это создавало ощущение страшной тесноты. На одной стене висел пестрый плакат с голой красоткой в раскованной позе, а рядом с ним – древняя потемневшая икона.

И, судя по всему, предметом особой гордости хозяина являлась иностранная радио- и видеотехника, которая занимала целый угол. Огромный телевизор тускло поблескивал пустым экраном.

– Тесно у нас, – сказала Марта, заметив, что Галина разглядывает обстановку. – Этот олух тащит всякое дерьмо. Вон бабу голую недавно повесил, – она кивнула на плакат, – совсем никакого вкуса у человека нет. Я ему говорю: уж если тебе нужна обнаженная натура на стене, закажи картину хорошему художнику или меня сфотографируй: готова позировать. Я ведь не хуже этой шлюхи. Но вот мое «ню» его не устраивает, а может, стесняется показать своим придуркам: еще, чего доброго, уведут. Но они ничуть не лучше его. Такие же тупорылые. И цель в жизни у них одна – деньги! Ну и, естественно, все то, что они могут дать: жратва, выпивка, бабы... А ведь раньше у него вроде и вкус был, чувство меры. И книжки читал, а не только пялил глаза в этот идиотский ящик, – она кивнула на телевизор. – Я, откровенно говоря, грешила на видик. Машка смотрела все подряд: и муру со стрельбой, и «ужастики»... Может, думаю, она оттуда набралась всех этих кошмаров? Но потом обратила внимание – она смотрит страсти совершенно спокойно, гораздо спокойнее, чем я. Режут там, головы отрывают, а она ничего, знай жует свою резинку. Теперь вот новая идея у него возникла – Америка! Уеду в Америку – и все тут!..

– Неужели он хочет эмигрировать?!

– Представь себе, хочет. И еще как хочет! Даже, по его словам, документы начал оформлять.

– И ты поедешь?

– А куда я денусь, – спокойно и как-то обреченно произнесла Марта. – Конечно, поеду. Сейчас-то я – ни в какую. Но наступит момент – потащусь за ним как верная собака. В Америку так в Америку. Хоть на острова Фиджи! Я вот его сейчас ругаю, а в общем-то он мужик неплохой, добрый, и совесть кое-какая у него осталась. Может быть, он и прав? Что нас ждет в этой стране? Только бы Машка нашлась. Только бы нашлась! Послушай, – она посмотрела на Галину, – я, наверное, совсем тебя заговорила, ты же с работы, давай хоть кофе выпей.

Пока на кухне закипал кофе, Галина раздумывала над услышанным. Очень жаль, что она не узнала этого раньше. Впрочем, что бы изменилось? Скорее всего – ничего. Девочка в этой, с позволения сказать, семейке вроде игрушки, и обращаются с ней, как с игрушкой: то носятся, то за ненадобностью отбрасывают в угол. А может, она просто завидует чужому счастью? Вот ругает Марта своего Павла, а ведь сама сказала, что поедет за ним на край света.

Пока Галина предавалась размышлениям, зазвонил телефон.

Марта стремглав кинулась к аппарату и схватила трубку.

– Да, да, это я, – закричала она, – тебя очень плохо слышно! Что, что, я ничего не слышу!.. Говори громче!.. Как похитили?.. – Она, широко раскрыв глаза, смотрела на стоящую рядом Галину. – Есть свидетели? – Марта смертельно побледнела. Некоторое время она ничего не могла произнести и только судорожно хватала ртом воздух. – Да, да, я слушаю, – наконец еле слышно произнесла она. – Молодой... – Она покачнулась, трубка выпала из рук и стукнулась об пол.

Галина подхватила Марту и осторожно опустила ее в кресло. Потом подняла трубку и поднесла к уху.

– Алло, где ты, Марта?! – Она узнала голос Павла.

– Слушаю, – произнесла она.

– Марта? – закричал Павел.

– Это не Марта.

– А кто, черт побери?!

– Это Галина Касьянова, я сейчас нахожусь у вас.

– А-а, Галина... А где Марта?

– Ей стало дурно, она сидит тут, рядом.

– Ясно. Это хорошо, что вы у нас. Помогите ей, пожалуйста, ей так сейчас нужна помощь. Машу, по-видимому, похитили. Свидетели видели, как вчера вечером она разговаривала с каким-то молодым человеком, нездешним. То есть это я думаю, что похитили, местный участковый считает, что она просто заблудилась в лесу. Пока я остаюсь здесь, вечером, наверное, приеду домой. За поиски нужно браться всерьез.

Павла действительно было очень плохо слышно, и по тону трудно было разобрать, в каком он состоянии, но по тому, как прерывался его голос, Галина поняла, что он очень взволнован.

– Вы уж побудьте с ней, – снова просительно произнес Павел, – до моего приезда. – Разговор прервался.

Галина положила трубку и взглянула на Марту.

Та сидела в кресле и широко раскрытыми, совершенно бессмысленными глазами смотрела в пространство. В лице ее не было ни кровинки. Наконец она поднялась и почти без сил побрела в комнату, там улеглась на диван и застонала. Галина села рядом и тихонько погладила ее по голове.

– Что он тебе сказал? – еле слышно спросила Марта.

– Наверное, то же, что и тебе. Что Машу похитили и что он вернется скорее всего вечером.

– Вечером?! – неожиданно взвизгнула Марта. – Ах он гад!!!

– Зачем ты так? Он хочет организовать поиски. По-настоящему организовать.

– Пускай сидит там и ищет ребенка, а если приедет, я его собственными руками задушу!

– Но он-то в чем виноват?

– Говорила я: не место Маше в этой паршивой деревушке. Мало ли что, отдыхал он, видите ли, там в детстве, и от этого отдыха у него остались самые лучшие воспоминания! Я хотела поехать с ней в Сочи, так он не разрешил, зачем, говорит, девочке смотреть на этот блядоход? От меня бы не похитили, а там бабка глухая, еле ходит. Конечно, у такой не то что ребенка, дом собственный из-под носа сопрут – и то не заметит!

Она с неожиданной энергией вскочила, схватила стоящую на журнальном столике бутылку коньяка и налила себе полный фужер.

Галина с испуганным изумлением смотрела, как Марта одним махом опорожнила фужер и следом закурила сигарету. Глаза ее вмиг посоловели.

– А может, он прав, что приедет в город, – довольно спокойно заключила она.

– Конечно, прав, – подтвердила Галина.

– Конечно, прав! – передразнила Марта. – Ты всегда следовала логике, правильная была... А по логике тебе самой давно пора родить, тогда бы узнала, что значит собственный ребенок и каково его потерять.

Галина поднялась и холодно взглянула на Марту.

– Извини, мне надо идти, – и направилась к выходу.

– Не уходи! – закричала Марта. – Прости меня, дуру, болтаю невесть что, прости меня, Галочка, – и она схватила ее за рукав платья. – Ты же видишь, что со мной творится, хоть раз в жизни отбрось свою принципиальность и прости. Если ты уйдешь, я знаешь, знаешь... – Она не договорила.

Галина молча села.

– Спасибо, – сказала Марта и потянулась к бутылке.

– Нет, хватит! – Галина схватила бутылку и убрала за спину.

– Хватит так хватит, – спокойно согласилась Марта. Она закурила и, выпустив клуб дыма, насмешливо посмотрела на Галину. – Твои принципы хороши для вегетарианцев.

– Опять начинаешь?

– Не буду, не буду. А все же дай мне выпить!

– Не дам!

– Ладно, не надо. Я всегда знала, что с Машкой произойдет нечто подобное, – неожиданно заявила она.

Галина равнодушно слушала пьяный лепет, жалея, что не отобрала бутылку раньше.

– Да, знала! – крикнула Марта.

Галина кивнула.

– Чего ты киваешь, ты ведь ничего не знаешь. И никто не знает, по крайней мере в этой стране.

– А в какой стране живет тот, кто знает? – чтобы отвязаться, спросила Галина.

– В Израиле.

– Это что-то новое.

– Ты помнишь Люську Лошадь?

– Какую лошадь?

– Люську Буланую. Фамилия такая: Бу-ла-на-я. Вспомнила?

Галина пожала плечами.

– Училась с нами на одном потоке. Красивая девка, высокая, русая, правда, плоская, как доска, и попа – словно по ней лопатой ударили.

– Что-то такое припоминаю. – Галина действительно вспомнила девушку, о которой говорила Марта. – Бойкая такая?

– Вот-вот. Именно бойкая. Она теперь в Израиле живет. Окрутила какого-то еврея и смоталась на историческую родину.

– Она же вроде русская была?

– Какая разница: русская – не русская. Так говорят: на историческую ро-ди-ну.

– И при чем же здесь Буланая?

– После распределения Люська Буланая работала в третьем роддоме. А я как раз там рожала.

Галина, ничего не понимая, уставилась на Марту.

– Беременность у меня проходила очень тяжело. Достаточно сказать, что последние три месяца я лежала на сохранении. Долго лежала... Этот мудака даже начал погуливать, как мне потом доложили. Но не в этом дело. С Люськой я, в общем-то, никогда не была близка, а тут сдружилась. Она навещала меня, в дежурство обязательно подойдет, спросит, как, что, а то и просто болтали с ней по несколько часов подряд, особенно вечерами или ночью. Она

в этот момент еще не была замужем, но парней у нее хватало. Вот и рассказывала о своих романах. Ей, в общем-то, не везло. И она мне душу изливала.

Беременность моя, как я уже сказала, протекала мерзко. А знаешь почему? В детстве я занималась спортивной гимнастикой и травмировалась. Вроде и травма была пустяковой, а на тебе – отозвалась, да еще как!

Тогда по телевизору гимнастику, ты помнишь, непрерывно показывали, и все хотели быть похожими на Турищеву.

Одним словом, настало мне время рожать. Я и сама гинеколог – понимаю кое-что. И такой меня страх обуял! Люська меня успокаивает: «Ты, – говорит, – не бойся, я попрошу роды принимать нашу заведующую, она опытейшая акушерка, а сама буду ассистировать вместо сестры. Словом, встану рядом». Это, конечно, меня немного успокоило.

Настал час родов. Что я пережила – говорить не хочется. Рожала шесть часов. Кое-как разродилась. Девочкой. Врач, которая принимала роды, уехала домой, а Люська осталась при мне. То возле постели сидит, то на ребенка посмотреть убежит. Все это происходило ночью.

Часа через два, уже под утро, открываю глаза и вижу: Люська на меня смотрит, а из глаз слезы текут. Думаю, от радости за меня. Пытаюсь улыбнуться, а она еще больше ревет. Потом говорит: «Ребенок твой умер».

Тут на меня такая прострация накатила, совершенно не реагирую, даже понять не могу, что она такое несет.

«Слабенький очень родился», – продолжает она. Тут до меня начинает доходить. Коньяка под рукой, конечно, не было, ну, думаю, сейчас треснусь головой о стену – и хана. Кстати, налей чуть-чуть. – Марта просительно посмотрела на Галину, – ну, самую капельку.

Галина молча налила в фужер самую малость и приготовилась слушать дальше.

– Так вот, – продолжила Марта, выпив коньяк, – Люська видит мое лицо, хватает меня за руку и шипит: «Послушай, Мартышка, – она меня ласково Мартышкой называла, – есть выход». Я смотрю на нее и думаю: не чокнулась ли она после этой ночи? Какой уж тут может быть выход?

«Как раз перед тобой одна родила. Красивая очень девка и на тебя похожа, меня даже спрашивала заведующая, не твоя ли родственница? Так вот, у этой девки роды были много хуже твоих, пришлось кесарево делать. Она не выдержала – скончалась. Вторая смерть сегодня у нас. Но ребенок жив. Тоже девочка и очень хорошенькая».

Я жду продолжения, что эта дура еще скажет.

«Так вот, – продолжает она, – о том, что твой ребенок умер, еще никто не знает». Тут она замаялась, смотрит на меня и молчит.

«Продолжай, – говорю, – Лошадь».

«Ребенка можно подменить. Мертвое к мертвому, а живое – к живому».

«Ты что, – говорю, – офонарела? Это же преступление, криминал!»

«Да, – говорит, – криминал, но ради тебя я готова».

«А родственники, а муж этой покойницы? Им ты как в глаза смотреть будешь? А мне как жить после этого?»

«Послушай, успокойся, – говорит она. – Эту девку подобрали где-то на вокзале. Ни документов, ни вещей при ней нет. Кто она такая – неизвестно. В таких случаях малютку отправляют в Дом ребенка на попечение, так сказать, государства». Сказала она мне так и замолчала – ждет, как я прореагирую.

Я задумалась. Очень мне ребенка хотелось. Кроме того, Павла я в тот момент сильно любила, а он, как мне казалось, стал ко мне охладевать. Ребенок мог полностью переменить ситуацию.

«А не врешь, что документов нет?»

«Клянусь, – говорит, – могилой матери».

«Ну коли такая клятва... Хотелось бы мне посмотреть на эту женщину», – говорю.
«Ты не дойдешь».

«А утром ее в морг увезут... Да я хоть поползу».

«Подожди, – отвечает, – у нас тут есть инвалидное кресло, я тебя на него посажу и отвезу туда, где она лежит».

Притащила она это кресло, посадила кое-как меня и повезла. Хорошо, помещение, где труп лежал, на том же этаже. Вкатила в комнату, зажгла лампы. Лежит женщина на цинковом столе, вся в крови, кое-как зашита. Всмотрелась я в лицо. Действительно, похожа на меня, только волосы темные. Красивая... И лет столько же на вид, сколько и мне. Лицо, как картинка, бровки черные. Бела, как сметана. И на лице ни тени страдания, а как будто торжество. Гляжу я на нее и не могу оторваться.

«Ну хватит, – шепчет Люська, – а то снится будет».

И как в воду смотрела. Снится она мне часто. И сны эти... – Марта не договорила. – Одним словом, отвезла меня Люська назад, уложила на кровать.

«Ты, – говорит, – думай, но думай скорее. До прихода смены нужно все сделать».

Я лежу и так, и этак прикидываю. И о Павле думаю, и о родителях. А самое главное – размышляю, а вдруг у меня после этих родов детей больше не будет? Как специалист я понимаю, что такая перспектива весьма вероятна.

Через час снова появляется Люська.

«Ну что, – спрашивает, – надумала?»

Я киваю.

«Все уже сделано, – говорит она, – завтра увидишь свою дочь. И помни – это твой ребенок!»

– Неужели это все правда? – Потрясенная Галина с недоверием смотрела на Марту.

– Не веришь, – криво усмехнулась та, – твое право.

От собственного рассказа она, казалось, протрезвела, глаза, еще несколько минут назад мутные, приобрели нормальное выражение.

– Ты третья, кому теперь известна эта история, – Марта задумчиво потерла лицо, – надеюсь, больше об этом не узнает никто.

– Послушай, а кто все-таки была мать ребенка?

– На следующий день, – не отвечая на вопрос, продолжала Марта, – мне принесли девочку. Веришь ли, я испытала такой прилив нежности к ней, словно она и вправду была моей дочерью. Я смотрела на нее и не могла оторваться. Видимо, в родившей женщине действует инстинкт, и безразлично, твой ли ребенок у тебя на руках или чужой. Не случайно ведь многие животные могут воспитывать вместе со своим потомством новорожденных другого вида. А у меня на руках был не котенок или щенок, это и вправду была моя дочь.

Прибежала Люська.

«Ну как вы тут?» – спросила она, с любопытством и тревогой поглядывая на нас. Я, помню, от счастья и сказать ничего не могла. Пришла и заведующая, принимавшая у меня роды. Она ничего не заметила. Откровенно говоря, ее прихода я боялась больше всего. И тут пронесло...

Потом явился Павел с букетом цветов, родители, свекор со свекровью. Все ликовали. Вечером снова пришла Люська.

«Вот видишь, все нормально, – заявила она, – никто ничего не заметил. О том, что случилось, знаем ты и я».

«Кто все-таки мать ребенка?» – напрямик спросила я.

«Тебе же сказали».

«Неужели у нее не было ничего, что могло бы хоть как-то помочь установить личность?»

«Знаешь что, ее отправили в морг, но все вещи ее пока здесь. Если тебе так хочется, можешь лично провести расследование. Но меня – уволь. Я и так сделала достаточно. Копаться в чужих грязных тряпках не желаю. Ты ведь уже можешь передвигаться? Отлично. Когда все уснут, я за тобой приду. Осмотришь ее вещи».

Ночью я, кое-как ковыляя, пришла в ту же комнату, где до этого лежал труп.

«Вот, смотри», – Люська кивнула на грудку тряпок, лежащих в углу на газете, хмыкнула и ушла.

Преодолевая брезгливость, я начала копаться в несвежей одежде. Из верхней одежды был только джинсовый сарафан.

Прежде всего я проверила карманы. Пусто. Совершенно ничего – ни денег, ни автобусного или троллейбусного билета, ни просто какой-нибудь бумажонки. Сарафан был импортный и изрядно поношенный. «Очень странно», – подумала я. Женщина она, помнится, была видная, так неужели у нее с собой не было никакой косметики? Допустим, нет сумочки, но помаду или пудреницу можно было положить в карман?

Оставалось белье. Сначала я вообще не хотела его разглядывать. Как-то неудобно перед покойницей стало. Потом подумала и решила довести дело до конца. А тут меня ждала еще одна загадка. И трусики, и лифчик были явно импортного производства. Причем очень высокого качества. Уж я-то в этом разбираюсь. Но самое странное, ярлыки были явно срезаны. От них остались лишь короткие язычки. Почему? Зачем?

Я отложила белье и занялась туфлями. Они были самые обычные, стоптанные и чиненные. Никогда не поверю, что женщина, носившая такое белье, могла бы надеть подобную обувь. Но чего в жизни не бывает!

Я сидела и размышляла, кто же она была, мать моего ребенка, и в этот момент мне показалось, что за спиной у меня кто-то стоит. Я явственно почувствовала чье-то присутствие. Меня словно сковало. Я напряглась и, не в силах пошевелиться, ждала не то удара, не то вопля. Но все было тихо. Наконец я собралась с силами и резко повернулась. Никого. Комната была пуста. Еще несколько минут я не могла перевести дыхания. Тут появилась Люська.

«Ну что, нашла что-нибудь интересное?» – Я развела руками.

«Ладно, пойдем, а то вдруг кто-нибудь явится».

«Послушай, – спросила я ее, – а можно мне взять ее белье?»

«Носить собираешься?» – хохотнула она.

«Да ну тебя, просто на память».

«Странная причуда. Пожалуйста, если хочешь, можешь взять. Все равно сожгут».

«А смотри, белье явно импортное».

Люська брезгливо скривила губы.

«У этих шлюх чего только не бывает. Подобрали ее на вокзале. Не то на железнодорожном, не то на авто. Была без сознания. Начались схватки, а она словно и не понимала этого. Нашла место рожать – на вокзале!»

«А как ты думаешь, она здорова?»

«С анализами все в порядке. Палочек Коха и спирохет не зафиксировано, об остальном остается только гадать. Она показалась мне девицей весьма ухоженной, руки явно не знали стирки и мытья полов. Хотя, конечно, такой сорт женщин мытьем полов не занимается. Может быть, мамина дочка, сбежавшая от позора из дому?»

«Значит, у нее могут быть родители?»

«Родители у всех есть. Я бы на твоём месте не вдавалась в подробности. Послушайся совета».

«А на операционном столе она ничего не говорила?»

«Ты все не можешь успокоиться. Она же в бреду была. Мне показалось, что иностранные слова произносила. Но, может быть, только показалось».

«Какие слова?»

«Вроде латынь, а может, итальянский...»

«Ты это серьезно?»

«Все, – сказала Люська, – больше я на эту тему не разговариваю. И вообще. Ничего не было. Забудь».

Марта замолчала и закурила. Теперь она совсем протрезвела.

– Что же было дальше? – заинтригованная Галина во все глаза смотрела на подругу.

– А ничего до сегодняшнего дня. Все спокойно. Я последовала совету Люськи и забыла обо всем.

– Плохо же ты забыла, вон какие подробности рассказала.

– За-бы-ла!!! Все. Но, – она подняла палец кверху, – я до сих пор убеждена, что в той комнате, кроме меня, кто-то был.

Поздно вечером приехал Павел. До тех пор Галина оставалась у Глиномесовых и с нетерпением ждала известий. Неудивительно, что в данном случае она принимала чужую беду как свою. Судьба Маши глубоко затронула ее. Но к тревоге за девочку примешивалось какое-то иное чувство. Что-то в этой истории было необычно, таинственно. Что-то такое, о встрече с чем человек мечтает всю жизнь. Мечтает и страшится этой встречи.

На Павле лица не было. Он старался казаться спокойным, однако это плохо ему удавалось. Молча прошел на кухню, сел за стол, отломил кусок от лежащей булки, отрезал кружок колбасы и стал механически жевать.

– Ну что там?! – в один голос закричали обе женщины.

Павел тоскливо взглянул на них.

– Боюсь, что плохо.

Марта без сил опустилась на табурет и закрыла лицо руками. Ее поза выражала невысказанный упрек. Молчала и Галина.

– Машка, вне всякого сомнения, похищена, – угрюмо сообщил Павел, – все эти разговоры, что она заблудилась в лесу, – чушь собачья! Лесов там хоть и много, но это скорее перелески, и они почти все пересечены дорогами. Конечно, леса прочесывают. Начали искать с утра, я сам с ними ходил, но безрезультатно. По еще одной версии она могла утонуть. Однако тамошняя речка, что называется, воробью по колено. Тоже всю облазили – ничего.

Предположили, что она могла, никому ничего не сказав, уехать домой. Скажем, на попутке. Но, если бы это было так, она бы уже приехала. Кроме того, бабка твердит, что они не ругались и Маша ни о чем подобном не говорила. Бабка, к слову сказать, страшно переживает. Почернела вся, с кровати не встает...

– Так ей и надо! – бросила, не поднимая головы, Марта. – Не смогла уберечь...

– Зря ты так, – еле слышно произнес Павел, – она тут как раз ни при чем.

– А кто при чем? – судорожно вздохнув, выдавила Марта.

Павел помолчал, потом посмотрел на Галину:

– Вчера после обеда Машу видели разговаривающей с мужчиной. Видела соседка, но не придавала значения, решив, что это какой-то родственник. Мужчина был ей совершенно незнаком. Лет тридцати-сорока, в спортивном костюме, с очень короткой стрижкой. Спустя какое время после этого она пропала, сказать трудно. Скорее всего – сразу же. Правда, бабка хватилась ее только к вечеру.

Местной милиции, конечно, очень не хочется признавать факт похищения. Они продолжают настаивать, что она заблудилась. Но я в похищении почти уверен. Причины могут

быть две. Либо ее украли с целью дальнейшего выкупа, либо это дело рук какого-то маньяка, и тогда вообще плохо.

– Что ты такое говоришь? – в испуге закричала Марта.

– Ничего не поделаешь, – угрюмо заметил Павел, – нужно смотреть правде в глаза. На местную милицию у меня надежды никакой, к тому же это – другая область. У нас бы я мог попытаться использовать свои связи...

– Словом, ты хочешь пустить все на самотек?! – вновь закричала Марта.

– Да не ори, дура! – взорвался Павел. – Постороннего человека хотя бы постеснялась.

– Она не посторонняя!

– Выход я вижу один: нанять частного детектива.

– Ну, конечно, я так и думала – частного детектива! Как в этих видиках. Грязного Гарри или Чака Норриса! Откуда у нас частные детективы?

– Представь себе, имеются. За деньги хоть черта доставят. Теперь существуют сыскные агентства, в том числе и в нашем городе. Другого выхода я не вижу.

– Ну так нанимай!

– Уже нанял! Он отправился на место происшествия.

Марта угрюмо кивнула.

– А если ее все-таки похитили, чтобы получить выкуп? – осторожно спросила Галина.

– Подождем. Хотя, я думаю, если это так, уже давно бы позвонили. Остается только ждать.

6

В тот самый момент, когда на кухне Глиномесовых происходил столь драматический разговор, частный детектив Николай Ильич Шебалин был на пути в неведомую ему деревушку Покровку, где исчезла Маша.

Потрепанный «жигуленок» Шебалина неторопливо катил по пустынному шоссе, в салоне играла музыка. Известный казацкий певец Александр Розенбаум пел, что «только пуля казака во степи догонит...». Николай меланхолично ему подпевал. Несмотря на то что было уже восемь часов, еще не начинало смеркаться. Стояли самые длинные дни в году. Ехать было одно удовольствие. Шебалин притормозил, достал атлас шоссежных дорог и прикинул, сколько ему еще пилить.

Выходило, что не менее часа. «Засветло доберусь», – решил он и снова нажал на педаль газа.

Все окна в салоне были открыты. Чудесные ароматы лета – времени года, которое он любил больше всего, – заглушили даже явный запах бензина. Мелькали пока еще зеленые поля, небольшие перелески, прошлогодние стога соломы.

«Такая работа явно по мне, – думал Шебалин. – Сам себе хозяин, никого над тобой нет. Никто не командует, не пристает с глупыми и нелепыми приказами. Да здравствует частное предпринимательство!»

Шебалину было лет тридцать пять или около того.

Это был крепкий, коренастый белобрысый мужичок с голубыми водянистыми глазами на круглом веснушчатом лице. Глаза эти обычно сонно смотрели на мир, и вряд ли кто-нибудь несведущий мог подумать, что перед ним опытный детектив. А Николай, без преувеличения, был опытным сыщиком. Жизнь его складывалась довольно просто. Школа, армия, работа в милиции. Параллельно – заочный юридический, который был успешно закончен.

Сменив сержантские погоны на офицерские, Шебалин успешно продвигался вверх по служебной лестнице. И вдруг начались перемены. В принципе, дальнейшая его судьба была в чем-то похожа на судьбу Павла Глиномесова. Предприимчивость была заложена в нем с детства. Но вот чем заняться? К торговле он относился с пренебрежением. Слишком хорошо знал этот мир жуликов и проходимцев. «Вор на воре сидит, – говорил он жене, – нет, там мне не место». Жена, сама работавшая в торговле, согласно кивала: «Да, Коля, у нас ты пропадешь».

Но пропадать Шебалин не собирался. Как-то случайно он прочел в газете о создании в Москве частного сысканого бюро.

«Вот это то, что надо – решил он. – Организовать бы и у нас нечто подобное. А почему бы и нет?» Некоторое время Николай наводил справки, оказалось, что разрешение на открытие частного сысканого бюро получить можно. Хотя, конечно, придется снять погоны. И вот заместитель начальника уголовного розыска одного из районов подал рапорт об увольнении. Его начинание было встречено прохладно, но, с другой стороны, начальство решило: пусть во главе этой новой, довольно странной и сомнительной структуры хотя бы будет свой человек.

– Шебалина мы знаем, – докладывал начальник горотдела милиции областному руководству. – Парень надежный, проверенный. Не шантрапа какая-нибудь. Поэтому пускай резвится. Не пойдут у него дела – возьмем с удовольствием назад, а пойдут – нам же польза.

С такими доводами нельзя было не согласиться.

Бывшие коллеги затею Шебалина воспринимали по-разному. Кое-кто с интересом, но большинство скептически.

– Зря ты, Коля, с этой ерундой связался, – сказал ему знакомый следователь, – ну какие у нас дела? Это тебе не Америка! Будешь, в лучшем случае, по заказу ревнивых жен выслеживать гуляющих мужей. И наоборот.

Но предсказания следователя, к счастью, не оправдались. Были, конечно, и клиенты-ревнивцы, но очень скоро дела приняли совершенно другой оборот.

Первое время Николай работал вдвоем с напарником, тоже бывшим милиционером. Конторы у них тогда не было, сидели по домам и ждали, когда кто-нибудь позвонит. Слава богу, это продолжалось недолго, и вскоре им уже пришлось срочно увеличивать штат и набирать людей. Работы стало невпроворот. Охрана частных предприятий и их хозяев, обеспечение безопасности транспортировки грузов, розыски сбежавших должников, борьба с рэкетирами – всего и не перечислишь.

Николай с усмешкой вспомнил, как родилось название фирмы. Он долго над ним размышлял. Название должно было быть броским и в то же время в какой-то степени отражать смысл их деятельности. Шебалин перебрал десятки вариантов, но ни одно не удовлетворяло его.

– Папа, назови свое агентство «Аргус», – сказал как-то сын-семиклассник, читавший в то время мифы Древней Греции.

– А что такое «Аргус»? – с интересом спросил Шебалин.

– Не что, а кто. В греческой мифологии – это стоглазый страж, неусыпный и неподкупный.

Так, с легкой руки сына название «Аргус» и эмблема: треугольник, углы которого венчало изображение человеческих глаз, – закрепились в официальных документах. Теперь у «Аргуса» давно уже есть свой офис, работает в нем двенадцать человек, не считая приглашаемых время от времени со стороны, фирме принадлежит несколько машин, в том числе и «жигуленок», на котором сейчас ехал, кое-какое оборудование и аппаратура. А главное, у «Аргуса» Шебалина прочная, устойчивая репутация.

Когда под вечер в офис вбежал взволнованный и запыхавшийся Павел, Шебалин уже собирался уходить. Павла он знал, и не только знал, но имел с ним дела. Выслушав сбивчивый рассказ, посочувствовал. Единственная дочь! Такое и врагу не пожелаешь.

– Помоги, Николай Ильич! Сколько хочешь заплачу. Не верю я, что тамошняя милиция распутает это дело, к тому же промедление... – Он не договорил.

– Да, – задумчиво произнес Шебалин, – тут надо действовать не откладывая. Ребята, к сожалению, почти все заняты.

– Николай Ильич! – взмолился Глиномесов.

Шебалин посмотрел на него и вздохнул:

– Хорошо, Павел, я возьмусь за это дело сам.

Поглядывая на дорогу, Шебалин размышлял о случившемся. Ситуация, конечно, скверная. Неужели похищение с целью получить выкуп? Ничего подобного в их городе еще не случалось. Но такая возможность не исключена. У Глиномесова, как не без оснований предполагал Шебалин, денежки водились. Но скорее всего девочка стала жертвой сексуального преступления. Возможно даже, ее уже нет в живых. Ублюдки, покушающиеся на детей, действуют быстро и решительно.

Конечно, она могла просто потеряться в лесу, но, если верить Глиномесову, это маловероятно. У Шебалина была при себе фотография Маши. Он достал ее и еще раз взгляделся в лицо. Хорошенькая девчонка, вполне могла стать жертвой насильника. Он вдруг вспомнил умоляющие глаза Глиномесова.

Перед отъездом в Покровку он договорился с Павлом, что будет постоянно держать его в курсе.

– Ладно, Паша, – он ободряюще хлопнул того по плечу, – не горюй раньше времени. Я постараюсь сделать все, что могу.

Проехав Быково, Николай сбросил скорость. Через пять километров должен быть съезд на грунтовую дорогу, вспомнил он объяснения Глиномесова. «Найти его легко, – рассказывал Павел, – у самого съезда – большая куча старого цемента». Вскоре показалась эта самая куча. Шебалин свернул и поехал по мягкому накатанному проселку.

«Будто на рыбалку еду, – подумал он, – если бы не дело, как хорошо бы здесь малость отдохнуть. Но, видно, не удастся». Дорога вилась среди березовых колков. Несмотря на вечер, в небе все еще трепетал жаворонок, заливаясь нескончаемой песней. Нагретые за день стволы берез распространяли вокруг сладкий дух, наводивший на воспоминания о распаренном венике.

«Сейчас бы в баньку, – мечтательно подумал Шебалин, но мысленно одернул себя: – Что это ты в лирику вдавился? Прежде всего дело».

Вдали показались крыши деревни. «Покровка» – извещал покосившийся указатель.

Отлично. Он у цели.

«Жигули» притормозили перед сельсоветом, возле которого стояла кучка людей, в основном женщин, оживленно о чем-то судачивших.

Увидев машину, они разом замолкли и уставились на Шебалина.

Вежливо поздоровавшись, он поднялся по скрипучим ступенькам и вошел в просторную комнату. Несмотря на то что было еще светло, в комнате горел свет. Мощная лампочка на голом шнуре освещала старый письменный стол, за которым сидел молодой милиционер в погонах младшего лейтенанта и читал газету. Увидев Шебалина, он привстал и вопросительно посмотрел на него.

– Девочка не нашлась? – поздоровавшись, спросил Шебалин.

– А вы, извините, кто?

Шебалин представился.

Милиционер удивленно воззрился на него и попросил предъявить документы. Некоторое время он внимательно и, как показалось Шебалину, подозрительно изучал бумаги, потом вернул их хозяину и иронически произнес:

– Сыщик, значит.

Николай привык, что при первом знакомстве род его занятий вызывал в лучшем случае недоумение. Он молча кивнул.

– Как, говорите, ваша фамилия? – встrepенулся тот.

Шебалин в свою очередь иронически произнес по слогам свою фамилию.

Но милиционер не обратил внимания на насмешку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.